



Михаил Климман

Вечерний день

предоставлено правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=171475

*М. Климман «Вечерний день»: АСТ, Астрель, Хранитель; Москва; 2008
ISBN 978-5-17-049097-4, 978-5-271-19148-0, 978-5-9762-5522-7*

Аннотация

Старинная шкатулка, купленная знатоком-коллекционером, оказывается, имеет не только материальную ценность... В ней скрыто то, что должно изменить весь ход истории.

Но открыть ее невозможно – нужно знать хитрый замысел мастера.

Вот эту задачу и должен решить пожилой коллекционер. Но не слишком ли это рискованно? За короткое время на глазах обладателя этим сокровищем погибают несколько людей. Кто-то очень заинтересованный в секретном документе постоянно наблюдает за ним.

Кому доверять, если даже любимая женщина оказывается замешанной в этом деле?

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	7
Глава 3	10
Глава 4	13
Глава 5	16
Глава 6	19
Глава 7	22
Глава 8	25
Глава 9	28
Глава 10	31
Глава 11	34
Глава 12	37
Глава 13	40
Глава 14	43
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Михаил Климман

Вечерний день

Глава 1

Платонов вышел из машины, расплатился с шофером и аккуратно, пытаясь не попасть ногой на лед, отправился домой. С товаром он никогда, если позволяли объем и вес, не подъезжал прямо к подъезду. А объем и вес обычно позволяли – Владимир Павлович старался не работать с громоздкими и тяжелыми предметами.

Шкатулка, правда, оказалась довольно увесистой и неприятно била по ноге. Да книжку еще эту – «Код да Винчи» – он зачем-то прихватил с собой. Глупость какая-то – лишний килограмм оттягивает руку, а вместе со шкатулкой почти отрывают плечо. Захотелось старому дураку почитать модный бестселлер. А если еще и лифт с утра так и не работает, то топтать на восьмой этаж сталинского дома с высокими потолками – удовольствие ниже среднего.

Подъезд уже был виден как на ладони, когда пролетавший мимо джип обдал Платонова фонтаном той гадостной смеси, в которую превращают снег на дороге выхлопные газы, химические реагенты и колеса автомобилей. Владимир Павлович успел зажмуриться, чем и спас глаза, чертыхнулся и, болезненно поморщившись, вытер лицо рукавом пальто.

В таком привычном способе – приезжая домой, выходить несколько раньше, а не у своего подъезда – были свои плюсы и минусы. Минусы были налицо, точнее, на лице, а плюсы... Платонов надеялся, что никто из его соседей так ничего и не знает про его увлечения и страсти. В квартиру он никого не впускал, да никто особенно и не просился, так только, могли зайти спросить соли или спичек, которые у Владимира Павловича всегда были, и он их всегда давал. А по подъезду и лестничной площадке он ничего крупного не носил. Небольшие свертки – вроде дед из магазина пришел, купил себе кефиру или хлеба, на крайний случай веревку с мылом.

Последнее время и эти походы за спичками прекратились. Квартира напротив стояла пустая уже несколько месяцев – хозяйка, жившая с дочерью то ли в Варшаве, то ли в Кракове, перестала ее сдавать приезжим и выставила на продажу. Где-то раз в две-три недели Платонов видел незнакомых людей, входящих и выходящих из этой квартиры, которых сопровождал обычно вертлявый человек лет сорока, наверное, представитель фирмы-риелтора.

Было понятно, что скоро его уединению наступит конец – квартира, хоть и однокомнатная и на последнем этаже, но с большой кухней, в хорошем доме и на тихой улице в центре, долго стоять непроданной не могла. А жаль...

Правильней всего было, конечно, купить эту однушку самому, чтобы никто и никогда не мешал, но, с одной стороны, метража у Владимира Павловича хватало с избытком, а с той же стороны, демонстрировать кому-нибудь, что у него есть «такие» деньги, было нельзя.

Он кивнул сидящей в будке консьержке киргизке и прошел к лифту. Многие во дворе возмущались, что все дворники, консьержи и уборщицы в подъездах теперь были гастарбайтерами, но Платонова это нисколько не волновало – каждый выживает, как может. Ведь не от хорошей жизни эти дети южных краев потянулись в страшно холодную для них столицу. Главное: дело делают и гораздо лучше, чем когда эти «должности» занимали местные алкаши. Теперь хоть по двору пройти можно.

– Давай я твой пальто почищу, – услышал он за спиной резкий голос с неприятным акцентом.

– Что? – не понял Платонов.

- Пальто дай. Чистить буду, – повторила жительница южных краев.
- Нет, спасибо, – Владимир Павлович отвернулся к лифту.
- Как знаешь, – совсем по-русски ответила женщина и закрыла свою каморку.

Платонов знал, что за чистку придется платить какие-нибудь смешные деньги, рублей двадцать – тридцать, но делать этого было нельзя. Пенсионер, подрабатывающий в цирке гардеробщиком, не мог быть мотом.

Дверь лифта с гулким стуком захлопнулась, и Платонов медленно поплыл на свой чердак. Его квартира и пустующая однушка располагались в некоем подобии башни, возвышающейся над основным корпусом, что придавало дому почти романтический вид. Парную к ней башню занимала мастерская художника. Владимир Павлович иногда наблюдал его за работой, но сам задерживать занавески с этой стороны никогда не забывал.

Он вошел в прихожую, положил сумку со шкатулкой и приобретенными сегодня предметами на подзеркальный столик и снял зимние ботинки. Поставил их на отдельный коврик, чтобы стекла вода, потом снял пальто и внимательно рассмотрел его. Все оказалось не так уж и страшно – щетка, горячая вода и пятнадцать минут работы привели добротную ткань в достаточно приличное состояние. Сохнуть будет, наверное, целый день, но завтра Платонов собирался выходить на работу только вечером.

Он развернул шкатулку, поставил ее посреди большого стола в центре комнаты и отправился на кухню. Винегрет, отварная рыба и бездрожжевой хлеб были куплены еще вчера. Из еды Владимир Павлович мог позволить себе все, что угодно: от консервированных французских паштетов до простой черной икры, никто все равно не видит, что он несет домой из магазина. Но три российских богатыря – холецистит, гастрит и геморрой диктовали свои условия, и Платонов давно перестал с ними спорить.

Он прошел к серванту, достал бутылку «Мартея», большой стеклянный бокал и пачку сигарет (сегодня по поводу столь значительной покупки он решил гульнуть) и отнес все это на стол. Вернулся на кухню за тарелкой, вилкой и салфетками.

Все это время, двигаясь по квартире, Владимир Павлович постоянно посматривал на шкатулку (про себя он называл ее «ларцом») и почти разговаривал с ней. Слов не было слышно, но выражение лица постоянно менялось, глаза смотрели то вопросительно, то восхищенно, а один раз он даже показал неведомо кому язык.

Наконец с сервировкой было покончено, Платонов сел за стол, автоматически включил телевизор, также автоматически убрал почти до нуля звук и приступил к трапезе.

Он жевал безвкусный винегрет, в его годы туда клали или соленый огурец, или квашеную капусту, которые придавали этому скучному блюду некоторую пикантность, а сегодня, видимо, об этой «величайшей кулинарной тайне» никто не знал. Владимир Павлович мог, конечно, поделиться с молодежью, но сильно сомневался, что кто-нибудь его послушает.

Покончив с белого цвета жвачкой, которая все-таки имела рыбный привкус, Платонов пересел в кресло и плеснул себе коньяку. Закурил, пригубил из бокала, положил длинные ноги на стул и опять посмотрел на ларец.

Он охотился за ним почти полгода, потратил ни один вечер и выпил ни один чайник чая с его хозяйкой. Наводку ему дал Плющ, который где-то подцепил этот адрес. Старуха Лерина шкатулку отдавать не хотела, особенно поначалу, говорила, что муж ценил ее неизменно, и предлагала любую другую вещь из дома взамен, но Палыч, так звали Платонова в антикварном мире те немногие, с кем он общался, был настойчив, упрям, учтив, лстыив и непреклонен, и вот сегодня сделка наконец состоялась.

Небольшая, сантиметров двадцать в самом большом измерении – длине, из дерева, а стяжки и углы металлические. С виду ничего особенного, но Платонов понимал, что все не так просто, как кажется. Такие предметы делали в Европе в шестнадцатом-семнадцатом

веках (возможно, что и раньше, и позже, Палыч не был особенно хорошо подкован в истории ремесла), и ценность их заключалась в замках.

Изготовители их были известны теперь по всему миру, их каталоги и перечень изделий занимали огромные тома, а сами замки стоили безумных денег. Где-то в Мюнхене или Кёльне был даже специальный магазин, который занимался исключительно такими замками.

Ценилась в них, прежде всего, сложность и хитроумность. Открыть вот такую шкатулку, которая сейчас стояла перед Платоновым, было весьма и весьма непросто. Отверстий для ключа он насчитал как минимум три, но был уверен, что это не все. К тому же было неизвестно, в чем секрет этой конкретной шкатулки – то ли ключи все были разные, и надо было поворачивать их одновременно, то ли ключ был один, но надо было точно знать последовательность открывания замков. Иначе, и такой механизм наверняка был встроен внутри, замки заблокируются совсем, и открыть ларец не удастся никогда.

Никаких ключей у старухи не было, и, по ее утверждению, она о них никогда не слышала. Палыч провел рукой по ребристому боку, стряхнул пепел, в последний раз затянулся и погасил сигарету. Пора приниматься за тщательный, сантиметр за сантиметром и с лупой в руках осмотр ларца.

В этот момент в дверь позвонили.

Глава 2

Платонов подозрительно взглянул в глазок. На пороге стояла незнакомая симпатичная женщина лет тридцати пяти, рыжеватая с роскошными зелеными глазами. Из-под домашнего халата выглядывал ворот теплого свитера. Никого больше в панорамный глазок видно не было, и Палыч открыл дверь.

– Здравствуйте, – сказала женщина немного хриплым голосом, – я ваша новая соседка и зовут меня Анастасия. Давайте дружить.

Такое странное, немного детское предложение почему-то Платонова не растрогало, а напрягло. Он давно уже ни с кем не дружил и потребности такой не испытывал.

– Что вам нужно? – почти грубо спросил он. Женщина удивленно взглянула на него и явно расстроилась.

– Вообще-то – сода, – растерянно сказала она, и Владимир Павлович понял, что хрипотца в голосе не всегдашняя, а простудного происхождения, – продуло где-то меня, молоко и мед у меня есть, а соды нет.

– Когда вы переехали? – смягчился Платонов.

Следовало бы пригласить гостью в дом, но со дня смерти Наташи, сколько он помнил, ни одна женщина еще не переступала этот порог, да и мужчин по пальцам можно было перечесть. Но держать простуженную женщину на сквозняке...

– Идите к себе и не стойте на лестнице, здесь дует, – прервал он Анастасию, которая открыла было рот, чтобы ответить на его вопрос. – Я сейчас принесу, – добавил он и захлопнул дверь.

Владимир Павлович по природе своей не был ни хамом, ни женоненавистником, но его отвлекли именно в тот момент, когда он собрался вплотную заняться ларцом, да еще ему совсем не понравилось, что его новая соседка привлекательная женщина, ведь он опасался, что она будет водить шумные компании, но...

Но она просто слишком симпатичная, чтобы быть соседкой одинокого мужчины шестидесяти трех лет от роду, слишком симпатичная и одинокая, потому что если бы она не была одинокой, то отправила бы за содой своего мужа, отца, свекра, сына или кого-нибудь из женской родни.

Он раздраженно открывал и закрывал ящики на кухне, пытаясь вспомнить, где у него эта чертова сода. Платонов точно помнил, что она у него была, конечно же не для выпечки пирогов, а для избавления от изжоги. Две попавшиеся банки с белым порошком оказались с мукой и сахарной пудрой («Откуда и зачем у меня мука и пудра?»), и только третья оказалась со знакомым резким вкусом.

«Когда она действительно сюда перебралась? – Теперь, когда сода нашлась, Платонов нашел новый повод для раздражения. – Вчера ее не было, я целый день был дома и услышал бы, если бы кто-то возился на лестничной площадке...»

Получалось, что Анастасия въехала в квартиру за те три с половиной часа, пока Палыч добывал шкатулку. Он стоял в прихожей и раздумывал над тем, в чем идти: надеть уличные ботинки или отправиться к соседке в домашних тапочках.

«Странно, неужели квартиру опять сдают? Не может женщина перевезти все свои манатки за такое короткое время в новую квартиру, в которой она собирается жить долго».

Платонов еще раз взглянул на ларец и как был, в тапочках пересек лестничную площадку.

Анастасия открыла сразу, будто бы ждала за дверью. В руках у нее была (Платонов улыбнулся про себя) книга «Код да Винчи». В глубине квартиры виднелись нераспакованные ярко-голубые сумки и разнообразные свертки.

– Вот, возьмите, – Владимир Павлович протянул соседке полчашки соды, – еще неплохо бы топленое масло добавить.

– Я бы вас пригласила, чаем напоила настоящим зеленым, – приветливо улыбнулась она, – только у меня тут такой кавардак, еще ничего не успела разобрать, да и хворью своей боюсь поделиться. А топленое масло я с детства терпеть не могу.

– Да это я так, – почему-то смутился Платонов, – если что понадобится – звоните или заходите.

Шестым чувством он понял, что общаться они с этой женщиной будут, и пожалел ее одну, больную в пустой неуютной квартире. Пожалел и тотчас же отругал себя за слишком радушное приглашение – еще чего доброго действительно начнет ходить.

Через два часа Владимир Павлович сидел в кресле, ноги привычно лежали на стуле, а в руках у него была прихваченная у старухи книжка. Он много слышал об этом самом «Коде да Винчи», все собирался купить и прочитать, но то было не до этого, то забывал. Поэтому, когда заметил ее на полке и, взяв, пролистнул, а вдова Лерина вдруг расплылась и проквакала, что мужу эта книжка очень нравилась, и она в знак особого расположения дарит ее Платонову, он отказываться не стал.

С самого начала роман Владимиру Павловичу не понравился. Написано было лихо, с кучей поворотов и событий, но психологически построено плохо и не убеждало совершенно. К тому же через несколько десятков страниц, а читал Платонов быстро, он начал ловить автора на ошибках и вранье.

То у него император Константин крестился только на смертном одре, потому что всю жизнь был и оставался язычником, то еврейский царь и творец псалмов Давид оказался из рода царя Соломона, то шестнадцатая глава «Деяний апостолов» рассказывала о некоем Силе, который голый и израненный лежит в темнице.

И если первое было замаскированной ложью, на самом деле в то время многие благочестивые христиане крестились только на смертном одре, потому что считалось, что, смыв крещением все грехи, они так чистыми, не согрешив ничем, отправятся прямо в рай, то второе и третье было просто глупостью. Потому что Давид был отцом Соломона и поэтому никак не мог происходить из его рода. А глава «Деяний» рассказывала все-таки об апостоле Павле, и Сила был упомянут в ней только один раз. Он действительно подвергся наказанию и был в тюрьме с Павлом, но речь-то все-таки была не о нем. Да и про то, что они голые и израненные лежали в темнице, нигде не было упомянуто.

Платонов с досадой отложил книгу и, чтобы успокоиться, опять посмотрел на свое новое сокровище. Почти час осматривая шкатулку с лупой в руке, он обнаружил еще как минимум две замочные скважины и два подозрительных отверстия, которые тоже могли быть предназначены для ключа, только не понятно было, как к ним подобраться.

Следующий этап работы с ларцом должен был начаться послезавтра, потому что днем Болтун был занят, а вечером не мог сам Владимир Павлович по причине работы в гардеробе цирка.

Болтун, которого в нормальной жизни звали Бронислав Исаакович, занимался техническим антиквариатом, механическими игрушками, музыкальными шкатулками и вот такими сложными замками. Основной доход – реставрация, доведение до ума и последующая продажа поломанных механизмов.

Болтуном его прозвали потому, что говорил он без умолку, именно так он объяснял всем интересующимся происхождение своего прозвища. Но Палыч знал, что это – только одна сторона медали. Другая была достаточно опасной – Броне нельзя было сказать ничего мало-мальски важного, через полчаса вся Москва уже обсуждала сообщенные по секрету новости. Но в данной ситуации особого выбора у Платонова не было – никого больше, связанного со

старинными предметами и понимающего в технике, он не знал. Был, говорят, еще кто-то в Питере, но совсем не такого класса, как Болтун.

Как говорил один усатый товарищ: «Других писателей у меня нет». А надежда на то, что Болтун подберет что-нибудь к замкам (у него было несколько сотен разнообразных ключей и ключиков), все-таки была.

Во время осмотра ларца пришло окончательное решение оставить покупку себе. Затеяливая вязь орнамента на металлических полосах, непонятные знаки возле обнаруженных замочных скважин, просто цветное сочетание желтовато-белого металла с темным деревом делали довольно-таки суровый предмет нарядным и таким, что англичане, а особенно американцы, называют словом «funny». К сожалению, русские эквиваленты вроде «забавный» или «смешной» не совсем точно передавали все оттенки смысла этого популярного слова. Совершенно несомненно было и то, что кроме очевидной финансовой и коллекционной ценности шкатулка еще и радовала глаз. Она стала самой крупной по размеру вещью из собрания Платонова и, пожалуй, самой заметной. Только серьезный и тонкий специалист в антиквариате, копаясь («Господи, не допусти») в квартире Владимира Павловича, мог понять, заметить и оценить по достоинству все его сокровища. Кому, например, придет в голову, что висящая на стене в дешевой рамочке акварельная марка торгового дома «Мюр и Мерилиз» принадлежит кисти Василия Кандинского?

Платонов вздохнул, открыл книгу и опять углубился в чтение. Отбросить в сторону модный бестселлер он не мог по двум причинам: во-первых, надо довести начатое дело до конца, а во-вторых, грамотно и добротное построенная интрига все-таки цепляла. Кто главный злодей, Владимир Павлович, правда, догадался через десяток строк после его появления на страницах книги, а когда наткнулся на очередную глупость, потянулся за карандашом или ручкой, чтобы отметить ее на полях. Потянулся и вдруг заметил, что кто-то уже проходил по книге, отмечая что-то бледными карандашными галочками.

Глава 3

Утром вставать было тяжело. Кто-то, кажется, Михаил Аркадьевич Светлов, сказал: «Если в старости ты проснулся и у тебя ничего не болит, значит, ты умер». С каждым годом Платонов все больше убеждался в правоте автора знаменитой «Гренады». Пожалуй, именно по утрам, да еще иногда ночью, Владимир Павлович чувствовал себя стариком, днем как-то болячки отступали, чтобы опять собраться к утру и в очередной раз «покинуть хату и идти воевать».

А тут еще он читал до двух часов ночи, отмечая все новые и новые галочки на полях, оставленные предыдущим владельцем. Скорее всего, им был хозяин замечательного ларца, звали его, кажется, Станислав Петрович, и старуха, Платонов это точно помнил, говорила о его немалом интересе к этому незначительному литературному произведению.

Настроение с утра у Владимира Павловича было не очень. Во-первых, недосып, во-вторых, острое разочарование от совершенно беспомощного финала дочитанной ночью книги и, в-третьих, непонятное чувство неудовлетворенности были тому причиной. Платонов все пытался понять, откуда оно, такое ощущение, но поймать его за хвост никак не удавалось.

Он принял душ, позавтракал, выпил бурду под названием «кофе без кофеина» и принялся мыть посуду. Рисунок на кафельной плитке то ли изображал летящих птиц, то ли просто такой странный орнамент. То, что видишь каждый день, перестаешь замечать вовсе, а Владимир Павлович уже больше десяти лет смотрел на эту плитку. И не увидел бы ничего, но какая-то красная точка привлекла его внимание. Он присмотрелся – частичка вчерашнего винегрета прилипла к кафелю. Свекла, как все яркое и мажущееся, имеет привычку прилипать ко всему и все красить.

Платонов принялся мыть плитку и тогда обратил внимание на ее рисунок. От галочек на кафеле мысль потянулась к галочкам на бумаге, и он наконец разобрался, что его так раздражало вчера вечером и что он притащил за собой в день сегодняшний: он так и не смог понять, что помечал на полях неведомый читатель (мысль о Станиславе Петровиче была только гипотезой).

Владимир Павлович всегда, а после смерти Наташи особенно, любил всякие логические загадки, пытался по части чего-нибудь восстановить целое, определить причины и предсказать последствия. По современным понятиям его, наверное, правильно было бы назвать аналитиком, но слово это Платонов не любил, оно слишком явно напоминало ему «паралитик», а паралича он боялся больше всего в жизни. Иногда он представлял, как он без движения упадет в своей квартире и пролежит до тех пор, пока не умрет от голода и жажды, потому что никому не придет в голову поинтересоваться, куда он собственно пропал.

Так вот, раздражение и неудовлетворенность, оказывается, жили в нем со вчерашней ночи именно потому, что он не смог понять логики в пометках. Человек подчеркивает что-то в книге по нескольким причинам:

драматург отмечает те сцены и куски, которые надо вставить в инсценировку или сценарий;

студент пишет конспект для сдачи экзамена и делает пометки напротив наиболее важных мест; критик, который собирается писать рецензию, отмечает перлы и ошибки, чтобы потом использовать их в качестве аргументов в споре с автором или с коллегами. Правда, в первом и третьем случаях на полях должны были бы стоять не только галочки, но и комментарии.

А в общем-то во всех трех вариантах человек работает с книгой как с целым, вычлняя оттуда нужные ему для работы места.

Совершенно другая психологическая ситуация, когда человек, читая, ставит галочки возле слова, фразы, строки, которые либо кажутся ему удачными формулировками собственных мыслей, либо, наоборот, раздражают своей неправильностью и несоответствием, как это было вчера с самим Платоновым.

Но неизвестный ему читатель не принадлежал ни к той, ни к другой группе. К первой очевидно, так как отмечались отдельные слова и фразы. Но и ко второй тоже, потому что никакой информации отмеченные куски текста не несли. Ну, или почти никакой.

«Здесь точно должно что-то быть...» – какая информация заключена в таком предложении? Что могло привлечь человека в этой абсолютно бессмысленной без контекста фразе?

Или это: «– Принцесса, – улыбнулся он, – жизнь полна тайн. И узнать все сразу никак не получится». Это про что? Вот эта поистине глубочайшая мысль о том, что лошади кушают овес?

А вот еще перл: «– Почему именно я? – так размышлял Лэнгдон, идя по коридору». Бред сивой кобылы.

А может?... Может, это какой-то код и человек, ставя галочки, просто передавал кому-то секретную информацию. Платонов, не домыв посуду, помчался в комнату, но по дороге остановился. Если это зашифрованное сообщение, то как могла старуха подарить ему книгу? Или не знала об этом ничего? Полная потеря памяти? Или, как в только что прочитанной книге про Леонардо, послание предназначено лично ему – Владимиру Павловичу Платонову?

Это уже правда из области психиатрии. Никаких общих знакомых с Лериными у него никогда не было, Плющ вышел на них через свои каналы. Конечно, Москва – это большая деревня, и наверняка каких-то общих знакомых с Станиславом Петровичем можно было бы найти, но... С другой стороны он же не всемирно известный эксперт и не директор музея, чтобы незнакомый человек передавал ему тайные послания.

Платонов стоял над креслом с открытой книгой в руках, рассматривая пометки неизвестного читателя (мысленно он уже решил, что оставил их все-таки предыдущий владелец ларца, но пока не подтвердил этого «свидетельскими показаниями») и продолжал делать вид, что это не так), и понимал, что последняя его идея, скорее всего, тоже никуда не годится.

Похоже, это просто «Код Леонардо» навел на него такие мысли. Ну, не выглядит это шифром. Хотя все равно придется проверить.

Владимир Павлович положил книгу на кресло, вернулся на кухню, домыл плиту и раковину. Потом вытер все насухо, расставил на свои места. И все это время он пытался уговорить себя, что занимается злосчастными пометками на не понравившейся ему книге просто потому, что интересно, а не потому, что некуда себя деть.

За почти десять лет, прошедших со дня смерти жены, Платонов привык к одиночеству, осознал, ощутил его не как беду, а как неперемный атрибут жизни и научился с ним управляться. Он аккуратно распределил его на правильные объемы, каждый наполнил своим цветом и содержанием, а то, что оно оказывалось зачастую бессмысленным, предпочитал не замечать. Да и даже думать об этом Владимир Павлович себе не позволял.

День через два он работал в цирке, и таким образом уходили десять вечеров в месяц. Три раза в неделю он обходил антикварные магазины, и таким образом убивалось двенадцать раз по полдня, а то и больше. На то, чтобы обслуживать себя – стирка, уборка, хождение по магазинам, – тратилось по полтора-два часа в день.

А еще Владимир Павлович много читал. Последнее время это становилось все труднее – уставали глаза. Плющ советовал завести компьютер и читать с экрана, сделав какой угодно по размеру шрифт, но идея эта была отвергнута на корню. Почему-то Платонов ни в какую не хотел заводить себе эту новомодную игрушку. Не соблазняли его ни возможности Интернета, ни разнообразные игры, которые так красочно расписывал Плющ.

Таким образом, дыры во времени, когда нечем было себя занять, были и, мало того, из-за усталости глаз увеличивались. Владимир Павлович перепробовал множество разных занятий, даже пытался вышивать на пальцах, но хобби себе так и не нашел. Последнее время он раздваивался между написанием мемуаров и фотографированием и склонялся постепенно к последнему.

В принципе разработанная им стратегия действовала безотказно, но сегодня под влиянием каких-то обстоятельств давала сбой, и это ему совершенно не нравилось.

Платонов взял чистый лист бумаги и «Код да Винчи». Пришлось сесть за стол, а не в любимое кресло, потому что он собирался писать, а делать это «на коленке» Владимир Павлович не любил. Он отчеркнул вертикальную черту вдоль листа, потом сверху горизонтальную. В образовавшемся в левом углу небольшом квадрате написал «№№ страницы», в длинной и узкой ячейке «Отмеченный текст» и открыл первую страницу.

С лестничной площадки послышался шум. Пришлось встать, выглянуть в глазок. Соседка, поглядывая на его дверь, в том же халате, но с завязанным вокруг шеи шарфом, вытаскивала к лифту упаковочный материал – рваную бумагу, обрывки скотча, какие-то смятые коробки.

А Палыч стоял, смотрел на «обстоятельство», которое нанесло такой ущерб его защите, он больше не мог уже это от себя скрывать и решал, что же теперь с этим делать.

Глава 4

– Слушай, – повернулся к Владимиру Павловичу Болтун и встряхнул шкатулку, – а что там внутри? Краеугольный камень, рукописи Шекспира или корона Российской империи?

– Ты уверен, что там что-то есть?

– Абсолютно, – Болтун еще раз потряс шкатулку. – Там что-то движется, довольно большое и интересное почти весь объем. Это не деталь замка, внутри что-то хранится...

И все встало на свои места.

Вчера Платонов немалое время потратил на то, чтобы разобраться с этими галочками на полях. Он аккуратно выписывал помеченные карандашом фразы, пытаясь найти в них хоть какой-то смысл, и почти преуспел в этом начинании.

Пришлось, правда, почти сразу выбросить первый листок, расчертить второй и добавить в нем третью колонку – «Комментарии», записи в которой, однако, появлялись спорадически. Он пролистал почти половину книги, когда у него заболела спина. Тогда он встал, чтобы пройтись, потянулся и взглянул на свою работу:

страница 10 – «Так что, когда помрешь, я буду единственным на свете человеком, который знает правду».

страница 20 – «Они занимаются этим вот уже несколько веков».

страница 28 – «Игра ваша, правила тоже».

страница 31 – «Вообще не знаком, мы с ним ни разу не встречались».

страница 32 – «Ведь интересы у нас были примерно одинаковые».

страница 60 – «“Непонимание рождает недоверие”», – подумал Лэнгдон. «Комментарий: скорей всего, имя здесь случайно, важен только афоризм».

страница 71 – «“Андорра”», – подумал он. И почувствовал, как напряглись все мышцы».

«Комментарий: А здесь, видимо, имеет значение сама Андорра, иначе все остальное бессмысленно».

страница 88 – «Цифровой код не имеет никакого смысла».

страница 96 – «Это уловка».

страница 98 – «Время для размышлений. Время разобраться в этой таинственной истории вдвоем».

страница 112 – «А что именно говорит вам пентакл?»

страница 120 – «И он оставил нам достаточно ключей и намеков, чтобы понять это».

страница 124 – «– Принцесса, – улыбнулся он, – жизнь полна тайн. И узнать все сразу никак не получится».

страница 127 – «“Почему именно я?” – так размышлял Лэнгдон, идя по коридору». «Комментарий: И здесь Лэнгдон, вероятно, ни при чем».

страница 132 – «И вот теперь дед мертв и пытается говорить с ней уже из могилы».

страница 148 – «Мона Лиза так загадочно улыбается нам. Будто знает нечто особенное, недоступное больше никому».

«Комментарий: А вот здесь непонятно, нужна сама Мона Лиза или нет. Во всяком случае, слово „Мона“ стояло выше отмеченной строки».

страница 160 – «Здесь точно должно что-то быть».

страница 164 – «Драгоценная тайна потеряна навсегда».

страница 172 – «Мне снится сон, – сказала себе Софи. – Сон. Только во сне можно увидеть такое».

«Комментарий: И здесь Софи можно выкинуть».

страница 175 – «И еще дед сказал мне, что ключ открывает шкатулку, где он хранит много разных секретов».

страница 195 – «Секретные документы остаются предметом постоянных спекуляций и поисков по сей день».

страница 198 – «Скажите, есть ли у вас хоть какие-то надежные доказательства, подтверждающие эту версию?»

страница 206 – «Люди обожают все таинственное».

страница 242 – «Информацией, содержащейся в криптексе, мог воспользоваться лишь человек, знавший пароль доступа».

Владимир Павлович поставил себе чайку, просмотрел листок и понял, что трудился не зря. Кое-что становилось понятным уже сейчас. Ясно, например, как Божий день, что речь идет о какой-то тайне. Причем человек относился к этой тайне с некоторой меланхолией и грустью. И он умудрился выискать в бодром разухабистом романе фразы, отвечавшие его душевному настрою. Это была третья, неучтенная Палычем возможность пометок на полях, когда текст отражал не мысли, а чувства читавшего.

Что еще можно было извлечь из всего этого? Похоже, что тайна имела какое-то отношение к Андорре, и это, на данный момент, была единственная конкретность, которую можно было извлечь из пометок. Может быть, еще слово «дед» имело под собой реальную подоплеку.

Платонов допил чай и направился опять к столу, чтобы продолжить работу, когда зазвонил телефон. Это был Плющ:

– Что решил, Палыч, с боксиком? – спросил он.

У этого молодого (для Владимира Павловича) дилера была дурацкая манера называть вещи английскими словами, приделывая к ним русские уменьшительные суффиксы. Платонова это безумно раздражало, но у Плюща был хоть какой-то вкус, нет, скорее, нюх на хорошие вещи, к тому же он был честен, поэтому приходилось терпеть такого помощника.

– Сколько раз тебе говорить, Виктор, – Палыч сам себя ощущал старым брюзгой, но ничего не мог с собой поделать, – чтобы ты разговаривал нормальным, человеческим языком. Шкатулку я оставляю себе.

У них был уговор: если вещь идет в продажу, доход пополам. А если кто-то хочет оставить предмет себе...

– Сколько пролетариату полагается? – безразличным голосом спросил Плющ.

Он всегда нуждался в деньгах и предпочитал получать свою долю, хоть и меньшую, но сразу.

Платонов прикинул: здесь такую шкатулку можно продать где-то за пятерку, уплачена – тысяча. Если в долгую, заработок – по две на нос.

– Килограмм устроит? – спросил он.

– Вполне, – в голосе Плюща слышалось теперь почти ликование, видимо, изначально он рассчитывал на другие деньги. – Когда прикажете подавать тарантас?

Завтра был день обхода и объезда антикварных магазинов. За последние лет пятнадцать Платонов ни разу не покупал и не продавал ничего в этих лавочках и салонах. Девяносто процентов московских антикваров считали его милым дедом, который неплохо разбирается в материале, но, по сути, для бизнеса совершенно бесполезен.

Только немногие знали, что этот высокий худой человек, с короткими седыми волосами мог продать то, что казалось непрододаемым, что его домашняя коллекция стоит шестизнач-

ную цифру, а для некоторых весьма серьезных коллекционеров его мнение было последним и решающим в споре о подлинности самых разнообразных предметов.

Всю техническую работу в их тандеме делал Плющ: покупал, возил на атрибуцию, реставрацию, иногда продавал. Задача Платонова была в том, чтобы высмотреть, проверить подлинность, понять, сколько нужно платить. Потом сложить цену, объяснить, зачем человеку необходим предмет, да и самого человека придумать. Клиент же не всегда понимает, что ему нужно, и даже не всегда догадывается, что он – клиент.

Плющ обычно дожидался Палыча в машине где-нибудь неподалеку. Роль «второго» его вполне устраивала. Он только недавно, буквально несколько лет назад пришел в этот бизнес, после того как основная работа (он был то ли преподавателем в техникуме, то ли школьным учителем) перестала кормить его самого и его многочисленных подружек.

– Нет, Виктор, – покачал головой Платонов, – завтра у тебя выходной, я к Болтуну должен навестись.

– Как скажешь, шеф.

В этот момент книга про «да Винчи», которую Владимир Павлович все это время продолжал держать в руках, упала на пол. Платонов положил трубку, поднял книгу, увидел случайно открывшуюся страницу и автоматически прочитал место, отмеченное галочкой:

«В этот момент вы становитесь обладательницей истины, способной полностью изменить ход истории».

«Эге...» – сказал он сам себе, как герой Гоголя. Что-то забрезжило в его голове, какая-то смутная мысль постучалась в сознание, но не успела войти, потому что зазвонил будильник. Чтобы не пропустить время выхода на работу, Палыч заводил будильник, поэтому мысль так и осталась не пойманной.

И вот сейчас, после реплики Болтуна, она вдруг вернулась опять, но уже не призрачной, почти бестелесной, а взрослой и вполне сформировавшейся.

Глава 5

Болтун до этого довольно долго крутил шкатулку, цокал языком, совал в отверстия и скважины разные штуковины, потом сказал:

– Ключ, похоже, был все-таки один, а отверстий пять. Эти две дырки, которые ты нашел еще, или обманка, или просто технические отверстия. Ну, чтобы смазывать механизм или чтобы воздух куда-то поступал, – ответил он на недоуменный взгляд Платонова. – Ключ, судя по скважине, должен быть довольно сложной формы, у меня таких нет.

– А может, как в кино, – предложил Владимир Павлович, – там вечно воск заливают в замок и получают слепок...

– Так это в кино, – отозвался Болтун, – там все можно. Для того чтобы так работать с замками, они должны быть определенного устройства – не плотными, но и не с пустотами. Иначе в первом случае воск никогда не вытащишь, а во втором достанешь бесформенную блямбу.

– Так что же делать?

– Думать пока... Думать, дорогой мой. Вот тут он и произнес свой вопрос о содержимом ларца.

Почему-то в мозгу Платонова мгновенно всплыла отмеченная в романе фраза о ключе и шкатулке, скрывающей секреты. Он вдруг понял, что это, быть может, вовсе не образ, не метафора, а вполне могло быть сказано об этом вот, конкретном ларце. И тогда все или почти все отмеченные строки приобретали новый и гораздо более интересный смысл.

Владимир Павлович, забыв о Болтуне, достал из кармана свой листок и лихорадочно побежал глазами по строчкам.

страница 10 – «Так что, когда помрешь, я буду единственным на свете человеком, который знает правду».

Получается, что шкатулка, похоже, досталась кому-то в наследство.

страница 20 – «Они занимаются этим вот уже несколько веков».

Значит, она передается давно из поколения в поколение.

страница 28 – «Игра ваша, правила тоже».

Законы обращения с ней, как ее хранить и открывать переходят из поколения в поколение.

страница 31 – «Вообще не знаком, мы с ним ни разу не встречались».

Здесь не понятно, Платонов отметил ручкой на полях эту выписку.

страница 32 – «Ведь интересы у нас были примерно одинаковые».

И здесь тоже нечто невразумительное.

страница 60 – «“Непонимание рождает недоверие”», – подумал Лэнгдон».

Те, кто хранил шкатулку или последний ее хозяин, очевидно, подвергались не очень приятному давлению или насмешкам.

страница 71 – «“Андорра”», – подумал он. И почувствовал, как напряглись все мышцы».

Непонятно, но, видимо, все это как-то связано с Андоррой.

страница 88 – «Цифровой код не имеет никакого смысла».

Конечно, нужны ключи, а не код...

Дальше почему-то пошло быстрее: «Это не то, это тоже... Ага!»

страница 112 – «А что именно говорит вам пентакл?»

Похоже, эта фраза – наша. Надо будет поискать на шкатулке пятиконечную звезду. Что там дальше?

страница 120 – «И он оставил нам достаточно ключей и намеков, чтобы понять это».

Это тоже про нас, хоть и непонятно, кто он. Так, дальше пустое, и здесь ерунда, а вот это может быть важно:

страница 132 – «И вот теперь дед мертв и пытается говорить с ней уже из могилы».

Мона Лиза в следующей фразе нас, скорее всего, не интересует, но надо подумать, почему такая запись помечена? Дальше:

страница 164 – «Драгоценная тайна потеряна навсегда».

Интересно, он действительно так думал или просто меланхолия одолела?

страница 175 – «И еще дед сказал мне, что ключ открывает шкатулку, где он хранит много разных секретов».

Ну, это понятно...

страница 195 – «Секретные документы остаются предметом постоянных спекуляций и поисков по сей день».

Значит ли это, что в шкатулке – документы?

Дальше шло все неважное, кроме, пожалуй, этого:

страница 242 – «Информацией, содержащейся в криптексе, мог воспользоваться лишь человек, знавший пароль доступа».

Непонятно, правда, знал ли сам человек этот пароль или это грустное размышление об утраченных возможностях.

Платонов перевернул листок и заглянул на другую сторону. Точно было что-то еще, но что? И почему не записано? Что-то про то, что, узнав секрет, ты получаешь власть над миром...

Нет, не так. А как?

– Узнав секрет, ты можешь изменить ход истории... – неожиданно вслух сказал он сам себе.

– Что? – мгновенно прореагировал Болтун. – Что ты сказал?

– Да так, ерунду всякую, – махнул рукой Платонов.

– Придется оставить коробочку у меня на пару дней, я с ней поколдую.

– Знаешь, – вдруг занервничал Владимир Павлович, – мне только что пришла в голову одна идея, поэтому я пока ларец заберу, а потом принесу тебе, чтобы ты мог разобраться.

Ложь получилась несколько неуклюжей, но отдавать сейчас ларец, в котором, похоже, хранились какие-то важные документы, не хотелось. Тем более Болтуну, который если ее откроет, не сопрут конечно же, но разстрезвонит по всему миру.

Тот удивленно поднял голову, посмотрел на старого приятеля и пробормотал:

– Хозяин – барин, – пожал плечами и положил шкатулку на стол.

Платонов шел домой, переступая длинными, как говорила Наташа, «журавлиными ногами», нес странно вдруг потяжелевшую шкатулку и тихонечко мурлыкал какую-то мелодию. Какую, он и сам не знал, и вообще, страшно бы удивился, если бы кто-то ему сказал, что он поет.

Впереди открывалось огромное поле для размышлений и гипотез, и не какие-то там логические задачки или кроссворды, а настоящее живое дело, которое могло дать и финансовый результат, и просто интересную информацию.

Конечно, возможность того, что его умозаключения о содержании шкатулки и вообще связи ларца и пометок на полях окажутся ошибкой, он учитывал, но не хотелось, чтобы это так и оказалось...

Сейчас надо было просмотреть до конца книгу, пытаясь выудить информацию из пометок, а потом приниматься за старуху Лерину. Она, сама того не зная, могла владеть ценной и интересной информацией. К тому же оставался открыт вопрос с Андоррой. Насколько он помнил, эта была такая маленькая страна, что там все друг друга должны знать и по утрам здороваться.

Он вставлял ключ в дверь, когда за спиной его раздался скрип двери и чистый на этот раз женский голос сказал:

– Владимир Павлович, вы сейчас не заняты?

Платонов напрягся – откуда она знает его имя и отчество, в прошлый раз он ей их не называл – и медленно повернулся:

– Занят.

– Жаль, – Анастасия улыбалась, стоя на пороге своей квартиры, – а я хотела вас чаем напоить...

– В другой раз. А откуда вы знаете, как меня зовут?

– Так не на Луне живем все-таки, – рассмеялась она. – Мне консьержка сказала, очень смешно у нее получается – Влядимирь Палич. – Анастасия очень похоже передразнила киргизку. – А то все-таки давайте «Эрл Грей» с эклерами, я такие потрясающие свежие эклеры купила, а?

Платонов никак не мог решить, что же все-таки пересиливает – раздражение на ее восторженность или очарование от зеленых глаз.

– Ну, не будьте букой, – продолжила уговаривать его Анастасия, – вы же не ход мировой истории меняете, а остальные дела могут и подождать. А то я себя чувствую в неоплатном долгу: вы меня, можно сказать, от смерти спасли, а я вас даже ничем не угостила.

Вот так Палыч, сам не заметив каким образом, вместо того чтобы исследовать свою шкатулку, оказался на кухне Настиной квартиры.

Глава 6

Чай действительно был отменным.

– А что вы сюда добавляете? – вежливо поинтересовался Платонов. – С эклерами все понятно, а вот с чаем нет.

– Мяту и чуть-чуть душицы.

Про мяту Владимир Павлович слышал, а последнее слово было ему практически незнакомо. Да и вопрос он задал скорее для политеса, представить себя покупающим специально какую-то траву, затем как-то ее заваривающим? Он улыбнулся.

– Что вас рассмешило? – Анастасия обиженно глянула на него.

– Представил себя, заваривающим чай, – отмахнулся Платонов.

– И что? – не отставала она.

– Это невозможно...

– Почему?

«Вот зануда», – подумал про себя Палыч.

– Я не умею, – он опять улыбнулся.

– А я... – она вдруг понизила голос до шепота, – не умею жарить картошку. Только никому об этом не говорите, пожалуйста.

Надо было искать новую тему для разговора, и Платонов осмотрелся вокруг в поисках предмета. На холодильнике лежал небольшой томик – или детектив, или стихи.

– У вас в прошлый раз книга была в руках, – начал он. – Когда я вам соду приносил.

– Какая?

– Дэн Браун «Код да Винчи».

– Ах, эта, – она поморщилась.

– Не любите детективы?

– Очень люблю, не люблю продажность...

– О чем это вы? – не понял Владимир Павлович.

– Там столько ненависти к христианству и католичеству в частности, что хочется спросить автора, не одеты ли американские президенты на тех купюрах, что он получает в чалму? Да и в раскрутку этой галиматии вложено немало денег – такая реклама даром не делается.

– Вы кто? Критик, издатель или в рекламе работаете? – спросил оторопевший Платонов.

– Вообще-то я – бывшая актриса, – засмеялась она. – А вот бывший муж занимался рекламой и издательским бизнесом, поэтому кое-что я в этом понимаю.

Владимир Павлович отметил про себя дважды произнесенное слово «бывший», но ничего уточнять не стал. Анастасия внезапно подняла руку и показала пальцами знак, которым во всем мире показывают «двойку». Но Платонов не понял:

– Что означает эта буква «в»? – спросил он. – В годы моей юности она символизировала победу.

– Среди моих орденов и нашивок за ранение еще два со словом «бывший».

Положительно с ней нельзя было разговаривать, она все замечала.

– Бывшая Жанна Д'Арк и бывшая прима-балерина «Метрополитен опера»? – спросил Владимир Павлович и смутился.

Он хотел сказать комплимент, а получилось неуклюже: она же актриса – вдруг играла Жанну Д'Арк или танцевала в Большом.

– Бывшая мать и бывшая жительница Барвихи, – она горько усмехнулась. – Барвиха-то, Бог с ней, а вот к сыну меня теперь не подпустят.

– В чем-то провинились?

Беседа начала приобретать «несветский» характер, что пугало и радовало одновременно.

– Застала мужа с секретаршей... – она смешно сморщила нос. – А в качестве отступного получила эту квартиру. У них теперь такая мода появилась – трахать секретарш. То есть раньше они тоже себе в этом не отказывали, но теперь это стало повальным и нескрываемым занятием. А у жены выбор: хочешь – терпи его выходки, не хочешь – пошла вон.

– У кого это у них? – Платонов действительно не понял.

– У богатых и влиятельных сукиных сынов, – жестко ответила Анастасия и тут же сменила тему: – Еще чаю?

– Я, пожалуй, пойду, – поднялся Владимир Павлович. Встал, а глаза опустил. – Дела, знаете.

А когда поднял, то увидел, что она, закусив губу, смотрит в стену. Бежать, срочно бежать...

– А вы чем занимаетесь в свободное от душицы и эклеров время? Расскажите мне что-нибудь...

Он остановился на пороге кухни: ни при каких раскладах нельзя обижать детей, стариков и животных.

– Я в цирке работаю, – пробурчал он.

– Дрессировщиком? Слезы вроде бы исчезли.

– Дрессировщиком, – согласился Платонов. – Пальто дрессирую, куртки, шубы. Иногда попадаются довольно опасные экземпляры.

Она несколько секунд испуганно смотрела на Владимира Павловича, потом до нее наконец дошло:

– А они вас не кусают?

– Бывает, но не так, как люди...

Он вернулся к столу, опять сел на свое место. Лучший способ отвлечь человека от жалости к себе – заставить его пожалеть другого.

«Пять минут и ухожу...» – решил он.

– Знаете, у меня есть приятель, серьезный историк, человек моего возраста, специалист по русской культуре восемнадцатого века. Он написал немало хороших книг, и как-то раз в одном магазине ему решили устроить презентацию. Я его просил, уговаривал не делать этого, но он отвечал, что люди сами предложили, и он не может их подвести. И вот в день презентации – слово-то какое странное – не понятно, кто, кому и что дарит, – я приехал в этот магазин. Поднимаюсь наверх и вижу: сидит мой приятель, грустный за столом, рядом пачка его книг и какой-то деятель, который безостановочно говорит в микрофон: «Сегодня мы представляем новую книгу знаменитого ученого такого-то. Вы можете познакомиться с Елпидифором Елпиди-форовичем, задать ему интересующие вас вопросы, а также получить его автограф. Подходите, и он ответит на все ваши вопросы и подпишет все книги». И сидит мой приятель и смотрит в пол, и ни один человек не останавливается, даже из любопытства. Я побежал, купил его книжку, благо тут же продавалась, подошел, даю ему, а он, не поднимая глаз, спрашивает: «Как вас зовут?» Я, практически не открывая рот, сквозь зубы говорю ему: «Максим Петрович». И он пишет мне на форзаце: «Дорогому Максиму Петровичу на память». Так и не понял, что это – я. А вечером я ему звоню и спрашиваю: «Как прошло?» А он мне отвечает, что один человек все же нашелся, поклонник его таланта...

Эту историю Платонов придумал только что, ну не всю, приятель у него такой был, да и презентация тоже, только не хватило ему тогда ума подойти под видом чужого человека или дать кому-нибудь из прохожих денег, чтобы подошел. Оба этих хода он придумал позже, а тогда так и не смог помочь.

– Понимаете, – Платонов сам не заметил, как завелся всерьез, – талант в искусстве, в науке практически не может пробиться сам, потому что для того, чтобы пробиться, нужен совсем другой талант. И этот последний, хотим мы того или нет, почти не совместим с талантом производительным, креативным, как сейчас модно говорить. Вот вы почему – «бывшая» актриса? Плохо играете?

– Да нет, – Анастасия с любопытством смотрела на него, – просто, раз муж выгнал, а он наш театр спонсировал частично, я теперь никому не нужна. Меня уже поставили в известность...

– И талант никакого значения не имеет! – Палыч направил палец на соседку. – А что я вам говорил?

– Да бросьте вы, Владимир Павлович, не брюзжите, – она протянула руку и погладила его по плечу. – Вы же совсем не такой.

– Какой не такой? – все так же возбужденно переспросил Платонов.

«Вот тебе раз, – подумал он, приходя в себя, – хотел ее перевести на другого, а сам на жалость напросился».

– Ну, перестаньте, помните, как сказано, – сказала она, – «И старческой любви позорней сварливый старческий задор...»

Глава 7

Платонов, нахмурившись, сидел на своем кресле, как всегда, положив ноги на стул, и собирался записать в толстую тетрадку события сегодняшнего дня, а перед этим просматривал предыдущие и пытался систематизировать всю информацию, чтобы прийти к каким-то выводам. В последнее время он выработал такую привычку, особенно если событий оказывалось много, а выводы были важными. В противном случае он мог легко забыть что-то существенное, как не раз случалось.

Кроме того, это оказалось довольно интересным занятием – вести дневник. В отличие от написания мемуаров, чем как-то раз Платонов пытался заполнить один из аккуратно нарезанных временных объемов, для этого почти не надо было напрягать память, да и писать можно было в любой форме – в конце концов, пишешь для себя, а не для читателя. Так что на запятые, литературное совершенство и просто дописывание слов до конца можно было не обращать внимания.

Плющ советовал ему купить диктофон, но Палыч отшутился, сказав, что непременно забудет, как им пользоваться. Умение писать, приобретенное в старшей группе детского сада, пока не подводило.

Всю неделю события приятные и неприятные, важные и не очень сыпались на него как из рога изобилия. Когда наутро, после чаепития у Анастасии Платонов не смог вспомнить, на чем они расстались, у него осталось только ощущение чего-то приятного, но не очень значительного, он спустился вниз и купил себе в ближайшем ларьке школьную тетрадку с неприятной полуголой девицей на обложке.

Новые исследования «Кода да Винчи» ничего не дали. Помеченные фразы или повторяли по смыслу уже знакомые, или он не мог догадаться об их значении.

Завтра он во второй раз должен посетить старуху Лерину. Прошлый визит, вот запись о нем, не принес ничего, она удивленно пялилась на гостя, когда тот расспрашивал у нее про пометки на полях, ближайших родственников и наследников. Из родственников она помянула только племянника, которому отдала по воле умирающего какую-то тетрадку, про пометки сказала, что Станислав Петрович все время что-то писал, а что – она не знает.

Слово «пентакл» она никогда не слышала, а про Андорру сказала, что, по ее мнению, так звали собаку ее двоюродной сестры в Бугульме. Хотя, может быть, не Андорра, а просто Дора, да и вообще, скорее всего, это была не собака, а кошка.

Выслушивать предположения, что, возможно, это было не в Бугульме, а в Потье, Платонов не стал, прервал старую каракатицу и просто попросил повспоминать, может, ответы хотя бы на какие-нибудь его вопросы и придут ей в голову.

Владимир Павлович на секунду поднял голову от бумаги и попытался ответить себе на вопрос, почему называет вдову Лерину старухой? Ведь она старше его всего лет на пять, но ничего не придумал, отделался банальной мыслью о том, что возраст не в годах, а в том, как ты к ним относишься, и успокоился.

Сегодня она позвонила ему сама и сказала, что нашла старый конверт с какими-то бумагами, которые муж просил тоже передать племяннику, да она позабыла. Встречу назначили на завтра на утро, поэтому поход по антикварным пришлось опять отложить, и на этой неделе получалось, что был он только один раз и ничего интересного не принес.

Владимир Павлович, вместо того чтобы записать сегодняшние события, почему-то застрял на предыдущих страницах, просматривая запись своего разговора с Плющом на следующий день после чаепития у соседки.

Тот явился с утра, размахивая толстой пачкой долларов и держась за живот от смеха.

– Что случилось? – любопытствовал Платонов. – У одной из твоих подружек родился негртенок и ты получил за это приз «Лучшая шутка года»?

– Ты помнишь, – Плющ даже не стал реагировать на язвительную шутку «шефа», – года два назад мы на Смоленке купили коллекцию картинок?

– Да, там были хорошая тушь Коровина и Сомов с неизданным рисунком к «Маркизе». И что?

Неизданный рисунок к «Маркизе» хранился в одной из папок в шкафу в соседней комнате. Всю свою антикварную жизнь Владимир Павлович держался неписаного правила коллекционеров – продавай мусор, хорошее оставляй себе.

Или, как говорил один его знакомый, «держал глубоко эшелонированную оборону». В первую голову реализовывалось ненужное и неинтересное. Если оно переставало продаваться, доставался из запасников товар получше. И наконец, в самую суровую минуту можно было что-то оторвать от сердца. Слава Богу, таких минут давно не было.

– Так вот, там, в куче были парные ватер-колоры Великопольского – театральные костюмы.

– Помню, – поморщился Палыч на привычные «англицизмы» Плюща.

– Ты велел их отнести к Бороде, попросить две с полтиной за оба. А Борода на всякий случай поставил семь с половиной...

– Сколько? – не поверил Платонов.

– И я ему то же самое говорил, да он рукой машет – не твое, мол, дело. Я про них и думать забыл, ты тогда Коровина так хорошо продал – сразу отбились. А сегодня с утра мимо еду, думаю, дай гляну, как там наша бронза с Котельнической, а Борода увидел меня и говорит: «На ловца и зверь бежит. Помнишь, ты сдавал две картинки парные – театральные костюмы тридцатых годов?» «Помню», – говорю, а сам в ужасе понимаю, что не могу восстановить, сколько же мы за них просили. Сейчас ведь торговаться начнет, а я ни в зуб ногой. «Ну вот, – говорит он, – четыре тысячи тебя устроят?» У меня глаза на лоб, я точно не помню, то ли две, то ли три хотели, но никак не четыре. «А деньги когда?» – спрашиваю. Он по голосу решил, что я сломался, достает пачку из кармана: «Сейчас...» Я, естественно, говорю: «Согласен...» Он отсчитывает баблешки и просит расписаться в квитанции. Ну, я капусту убрал, отчего не расписаться. Через минуту Борода идет из подсобки с бумагами и репу чешет. «Ты же, – говорит, – две с полтиной просил, зачем же я тебе четверку выдал?» «Не знаю, – говорю, – ты предложил, почему мне было отказываться?» Расписался и ушел.

– Здорово, – рассмеялся Платонов, – а что Борода?

– Просил Чипполино, дольщику своему, ничего не говорить, а то заест до полусмерти. Так что, Владимир Палыч, срубили мы с тобой еще по семьсот пятьдесят, как с куста.

– Скорее по тысяче, я бы охотно этого Великопольского и за две отдал, – Платонов покачал головой.

– Тем более, – Плющ подергал себя за подбородок.

«Сейчас денег будет просить, – догадался Владимир Павлович. – А мог бы две тысячи просто замылить, я бы никогда и не узнал».

– В общем, я тебе должен был двушку, но ты мне штуку обещал за шкатулку, итого остается тысяча. А у меня к тебе просьба, Владимир Павлович, можно я тебе сегодня ничего не отдам, пусть считается, что я занял, а если ничего не сробим за это время, через пару недель верну.

– Я тебе предложу другой вариант, – Платонов, пародируя партнера, тоже пощипал подбородок. – Там, в шкатулке, как оказалось, что-то лежит. Никто не знает что, открыть ее пока не представляется возможным. Это может оказаться пятидесятикартанный бриллиант розового цвета, а может, и моток ниток с истлевшей от времени иглой. Я предлагаю тебе

эту тысячу, которую ты просишь, как отступные за содержимое шкатулки, сейчас, пока никто не знает, что там. Может, заработаю, может, попаду, но ты точно в плюсе. Согласен?

Плющ опять пощипал себя за подбородок:

– Давай, Палыч, так: ты мне сейчас даешь штуку, а если внутри что-то реально дорогое, то добавляешь не до половины, а до тридцати процентов, идет?

– Нет. – Платонов решил проявить твердость. – Или так, или никак...

Он был уверен, что получит правильный ответ, хотя понимал, что может попасть на эту тысячу. Шансы на свой выигрыш Владимир Павлович рассматривал как пятьдесят на пятьдесят, ну, если быть совсем честным – шестьдесят к сорока.

И Плющ сломался, взял деньги и ушел.

Платонов перевернул страницу – дальше шли записи о том, что никакого пентакла он на шкатулке не обнаружил, один из элементов орнамента можно было при желании принять за звезду Давида, но ничего пятиконечного он не нашел.

Потом несколько строк об Андорре, которые он наскреб по своим книгам и справочникам, которые были под рукой. Ничего особенно интересного, кроме того, что страна оказалась очень старой, в тех границах, в которых существует сегодня, она была известна почти тысячу лет назад. Площадь, население и название столицы он записывать не стал.

На улице раздался скрип тормозов, потом глухой удар. Владимир Павлович, хотя и знал, что из окна проезжую часть не видно, подошел, отодвинул занавеску и посмотрел направо вниз. Здесь, рядом с домом был довольно крутой спуск и в зимние, особенно ветреные дни часто случались аварии.

Платонов поднял глаза и увидел, что напротив в башне, в мастерской художника незнакомый человек тоже смотрит вниз, только налево.

Платонов вернулся к креслу, взял тетрадь, перевернул еще одну страницу и долго рассматривал свою последнюю запись того дня:

«Почему, интересно, она назвала старческую любовь позорной?»

Глава 8

С Анастасией они за неделю не виделись ни разу. И все время Платонов ломал себе голову над этим вопросом. Неужели она что-то заметила? Да и вообще, есть ли что замечать? Несомненно, соседка его – женщина притягательная и с «человеческим лицом», но разве этого достаточно для того, чтобы так часто думать о ней?

С момента смерти Наташи, а это почти десять лет, Владимир Павлович жил бобылем. Что было абсолютно естественно, потому что кому нужен стареющий гардеробщик в цирке? Кто знает, что это только два процента жизни Платонова? Владимир Павлович хорошо понимал, что стоит ему продемонстрировать свои финансовые возможности – и от женщин определенного сорта отбоя не будет, только кому они нужны, такие спутницы жизни. Он даже как-то раз, когда почему-то заедала особенная тоска, пригласил к себе проститутку, но довел ее только до дверей квартиры, где расплатился и отпустил ее на все четыре стороны.

Та, насколько он понял, никаких сомнений не испытывала, новый клиент, по ее словам, ей очень нравился, и, получив деньги, она несколько секунд недоуменно смотрела на Владимира Павловича. А потом сказала, что ей даже обидно, что ладно, пусть будет так, как он хочет, что он симпатичный старичок, и может обращаться при первом желании, и всегда будет иметь у нее скидку в десять процентов. Затем уже из дверей лифта она предложила вернуться и прямо сейчас на лестничной площадке сделать с Платоновым такое, что он покраснел и спешно ретировался.

Может быть, к такому поступку его подтолкнула не только брезгливость и жалость, которые он испытывал к девушке одновременно. Может быть, он просто стеснялся своего старого тела, складку под небольшим, но все-таки животиком, которую приходилось не забывать отдельно мыть по утрам в душе. Седых волос на ногах и груди, сморщенной кожи, не очень ловких пальцев.

Или его просто обуял страх, что он опозорится в постели, потому что не имел связи с женщиной уже очень долго и забыл, как это делается. У них с Наташей за много лет выработались две позы, которые нравились обоим, но совсем не факт, что они устроили бы эту девушку. Или он разозлился на себя за то, что почему-то принимает во внимание мнение уличной проститутки? Или просто ему вдруг стало стыдно, что на семейное ложе он приведет блудницу и осквернит память жены? Чем бы ни был вызван его отказ, Платонову хватило сил сохранить целомудрие, и он немного гордился тем, что устоял тогда перед искушением.

Он автоматически посмотрел в сторону входной двери, но звонок не звонил, и даже шума на площадке слышно не было. Владимир Павлович пролистнул несколько страниц и начал писать:

«Сегодня приходил Плющ, принес большую картину Занковского. Нормальный Занковский – горы, всадники, красноватые тона. Но я его погнал, сказав, чтобы отдал владельцу без моих комментариев».

История эта началась вчера, но тогда он не стал ничего записывать, посчитав ее мелкой и несущественной. Позвонил Виктор и сказал, что у него появился клиент на живопись, который где-то слышал про Платонова и хотел бы сотрудничества. Нельзя ли, дескать, привести его завтра к нему.

– Зачем? – не понял Владимир Павлович.

– Для знакомства, – ответил Плющ. – Мне кажется, что с него можно неплохо заработать. Он настолько тебе доверяет, что говорит, будто готов покупать живопись под твою атрибуцию, и никакая «Третьяковка» и «Габарь» ему не нужны. За каждое подтверждение или, наоборот, не подтверждение картины он готов платить по две с половиной тысячи долларов.

– Одинаково? – удивился Платонов.

И в «Третьяковке», и в «Грабарях» просили за отрицательный ответ в пять раз меньше, чем за положительный. Владимир Павлович считал это бредом, стимуляцией фальшивых документов, ведь, получается, выгоднее подтвердить левую вещь, чем отместить ее, но музейные работники говорили, что заставить человека платить немалые деньги, чтобы сказать ему, что картина не стоит ни гроша, – нехорошо. Логика есть, но и платоновские соображения оставались в силе.

– Одинаково, – подтвердил Виктор. – Он говорит, что раз работа производится одинаковая, то и деньги должны быть те же самые.

– Умный какой... А не слишком сладко, как ты считаешь? – усомнился Платонов. – Где бывает бесплатный сыр, слышал, наверное?

– Ну, как хочешь, Владимир Палыч, – обиделся Плющ. Он, похоже, человеку своему все уже пообещал. – Мне кажется, ничего страшного тут быть не может.

– А представь себе такую ситуацию, – задумчиво сказал Платонов, – приносит он мне, положим, Шишкина большого, которого не подтвердила «Третьяковка». А я, например, говорю – настоящий. Он платит мне эти самые две с половиной и покупает своих «Мишек в лесу» за полмиллиона долларов. А назавтра он встречает Сандарова, и Александр Владимирович ему говорит: «Копия своего времени». Ты ему веришь?

Александр Владимирович Сандаров был одним из экспертов «Третьяковки», мнения которого довольно часто расходились с мнениями коллег. Но по передвижникам он оставался главным специалистом.

– Верю, – грустно сказал Плющ, он уже понял, что последует дальше.

– А дальше приходит твой приятель и говорит: «Я под твоё слово, Владимир Павлович, заплатил полмиллиона и купил фуфло. Изволь вернуть денежки, потому что Сандаров не подтверждает». И что мы будем делать тогда, мой юный друг? Сушить сухари или резервировать место на кладбище. Это зависит от того, что собой представляет твой клиент, вот что...

– С этим – скорее второе, – вздохнул Плющ. – А нельзя, Палыч, предварительно с Сандаровым встретиться, показать ему картину, договориться?

– Можно, – сказал Платонов, – только на свете есть еще «Русский музей», музеи во всех областных центрах, экспертный совет «Сотби» может что-то сказать...

– Ну, «Сотби» поверит Сандарову, – попытался удержать ситуацию Плющ.

– А если нет? – возразил Владимир Павлович. – Да и что мешает твоему клиенту просто сказать, что вчера его познакомили с двумя художниками, которые писали и старили этого Шишкина в прошлом году?

– Зачем? – не понял Виктор.

– Чтобы получить с меня полмиллиона долларов. Он ведь картину вполне мог и не покупать, просто взять на время у приятеля. И она, что характерно, может быть сколько угодно настоящей.

– Ну, ты и закрутил.

Короче, сговорились они на том, что никого Виктор к Платонову не ведет, пока они этого деятеля поближе не узнают. Если у него есть что Платонову сейчас показать, то пусть Плющ привезет картину. Владимир Павлович ни за что не отвечает, выскажет свое мнение, но и денег никаких не возьмет.

– Пока не возьмешь, – уточнил Виктор. – Я ему скажу, временно не берем, до тех пор пока не познакомимся поближе.

Пришлось согласиться, хотя Платонов ни на секунду не верил в перспективы этого сотрудничества.

Но все-таки сегодня Виктор приволок Занковского. Еще лет пятнадцать назад вряд ли кто-нибудь знал о существовании такого художника. Был он, сколько помнил Владимир Павлович, военным топографом, служил на Кавказе и Кавказ же всю жизнь писал, причем делал это весьма пристойно. Сегодня ситуация изменилась, рынок хорошенько выметен, первые имена стали стоить просто бессмысленных денег, и такая большая вещь теперь уже «известного художника» должна стоить несколько десятков тысяч долларов.

Но что-то Платонова насторожило сразу.

– Виктор, – спросил он, – а кто он, этот твой клиент, где ты его взял?

А сам крутил картинку в руках, рассматривая заднюю сторону холста, пытаясь заглянуть под раму. Казалось ему или он ее действительно где-то видел?

– Он сам ко мне подошел, – ответил простодушный Плющ. – Я Хохлу тройку нашу бронзовую привез, которая у Сладкого не прошла, как ты велел, а он мне показал немца какого-то зафуфленного со словами, что это Гине. Ты мне говорил, что с войны каждый солдат себе такую картину привез: горы, лес, озеро, мельница на переднем плане. Ну, а на этой подпись нарисована – Гине. Но я не поверил, вспомнил твои уроки, ты же говорил, что Гине хороший художник был, а тут такая мазня. А сзади, смотрю, наклейка такая бумажная, как будто холст закрепили, чтобы не сыпался, но только бумажка – свежая. Я ее оторвал, а под ней надпись по-немецки.

– А что же ты здесь наклейку не оторвал? – спросил вдруг Палыч и рванул небольшой кусок холста, который уже раньше заметил на обороте картины.

А под ним оказалось именно то, чего он и боялся – остатки штампа. Можно было прочесть только «...ский...арственный музей» и четырехзначный инвентарный номер.

Глава 9

Платонов вышагивал на своих «журавлиных» ногах расстояние от метро до дома старухи Лериной и уговаривал себя, что скверное настроение у него вовсе не оттого, что соседка по лестничной площадке опять не подавала никаких признаков жизни. Нет, она была на месте, жила в своей квартире, утром он, выходя, слышал женские шаги за ее дверью, но Анастасия не звонила и даже не встретилась ни разу с ним просто на площадке, что было совсем уж не трудно.

Поводов для расстройства он себе напридумывал достаточно – и то, что за неделю он практически ничего нового не узнал о шкатулке, и глупое поведение Плюща, который, увидев вчера штамп на картине, почему-то обиделся на Палыча и начал на него, как сейчас говорят, «наезжать». Он требовал, чтобы тот не прерывал отношения с Махмудом, а попытался найти с ним общий язык.

Услышав, что клиент – кавказец, Владимир Павлович испугался еще больше, не стал вдаваться в подробности и потребовал от партнера, чтобы тот прекратил все общения с опасным клиентом. Платонов не был националистом и приверженцем «русской идеи», просто, ко всему прочему, он вспомнил, где видел картину раньше – в книге «Грозненский государственный художественный музей».

Они практически поссорились с Плющом, потому что тот, видимо, взял какие-то деньги у этого самого Махмуда, обещав ему содействие, и никак не хотел теперь понять, что все не так просто и ситуация может оказаться весьма и весьма опасной.

Виктор ушел, хлопнув дверью, а Палыч остался один и стал размышлять о поисках нового партнера и помощника. Он надеялся, что Плющ образумится и вернется, но не исключал и худшего варианта.

Еще одним поводом для плохого настроения мог оказаться отвратительный разговор, случайно услышанный им сегодня в метро.

– Я так люблю, – услышал он женский шепот за спиной, – когда ты ходишь по квартире голый...

Платонов вжал голову в плечи и только через несколько мгновений до него дошло, что слова вряд ли относятся к нему. Он медленно повернулся и увидел похожую на бомжей пару: толстого немытого мужика в засаленном пальто и под стать ему даму с фиолетовым оттенком лица.

подавив приступ тошноты, он выскочил на первой же остановке, которая, по счастью, оказалась нужной ему, и вышел на улицу. В этот отвратительный серый зимний день, хотя времени было почти двенадцать, казалось, что в Москве, да что там в Москве, во всем мире наступили вечные сумерки.

Он свернул направо, дорога здесь шла мимо строящегося дома по длинному проходу, крытому сверху, чтобы на головы прохожим не падали кирпичи и прочий строительный мусор. Проход этот, а скорее, коридор, был зашит также по бокам с двух сторон и напоминал длинную трубу, в которую человек входил с одной стороны, а появлялся на свет с другой. А внутри, как сегодня вдруг заметил Владимир Павлович, появлялось ощущение, что ты не в тоннеле, в конце которого виден свет, а в бесконечном и страшноватом лабиринте, из которого выхода нет и никогда не будет.

В нос ему ударил из вентиляционной шахты неприятный запах метро, который нельзя было спутать ни с чем другим, и это не добавило Платонову радости. С рекламного предвыборного плаката ему деланно улыбался человек («Да чтоб тебя, что, сегодня все сговорились, что ли?»), который символизировал для Владимира Павловича одно из наибольших его поражений в антикварном деле.

Лет пятнадцать назад на адресе Палыч со своим тогдашним партнером купили большие серебряные каминные часы работы основного мастера фирмы Фаберже, Михаила Перхина. Купили, не торгуясь, отдали тридцать тысяч долларов, как одну копеечку. Сегодня такие часы стоили бы полмиллиона, а то и больше, поскольку были все в гильяшированной эмали и поднесены шефу полка, которым была одна из дочерей Николая Второго.

Но тогда о таких деньгах за антикварный предмет еще никто не слышал, да и доллар стоил по-другому. И нынешний кандидат куда-то, Платонов не стал рассматривать куда, тоже не был еще солидным человеком, хотя денег у него было немало и в то время. Но власть еще не определилась тогда, считать таких, как он, преступниками или все-таки творцами новой России.

Палыч изредка оказывал ему услуги по определению подлинности того или иного предмета, да и продавал кое-что дорогое, чего не хотел оставлять себе. Часы человеку понравились, и Платонов заломил двести. Цен таких тогда не было, но предмет этих денег стоил, на аукционе в Лондоне он мог пройти гораздо дороже. Творец новой России от цифры едва не упал, но потом взял себя в руки и мужественно предложил сто тысяч.

Пришлось отказаться, хотя заработок был немалый, но если ты один раз упадешь на пятьдесят процентов, то больше никогда не избавишься от такой скидки и вынужден будешь уступать каждый раз.

Закончилось все грустно: денег свободных у Платонова тогда не нашлось, чтобы выкупить часы для себя, партнер настаивал на скорейшей продаже, потому что, хотя и вложили они поровну, он, оказывается, свою пятнашку занял, а хороших клиентов они найти не могли. И продали они часы за пятьдесят Сладкому.

Несколько лет Владимир Павлович следил за судьбой «своего» Фаберже, за тем, как они росли в цене. Последняя продажа, насколько он знал, привела их все-таки к кандидату, правда, совсем за другие деньги. Но возможности его за эти годы, Платонов это знал точно (поскольку общались они не редко), неизмеримо возросли, да и все привыкли к огромным ценам на антикварном рынке. Владимир Павлович отвернулся от фальшивой улыбки своего старого знакомого и повернул за угол. До дома Лериной, кирпичной хрущобы, оставалось пройти метров шестьсот.

Он поднял голову, посмотрел вперед и остановился. У знакомого подъезда стояла толпа народа, сустились милиционеры и сотрудники МЧС. Рядом он заметил две «скорые», а окна старушечьей квартиры на четвертом этаже были без стекол и рам и с обгоревшими краями. Пожарные, видимо, уже закончили свою работу и уехали.

«Не зря меня так крутило с утра...» – подумал Платонов.

Нужно было уходить, вряд ли Лерина, даже если она осталась жива, выскочила из дому, сжимая заветный конверт с письмом. Но ноги сами несли его к подъезду.

– Как бабахнуло... – услышал он взволнованный женский голос. – Было почти шесть, мы еще спали, а тут повыскакивали все. Они говорят, что газ, а я уверена – террористы это...

Платонов замедлил шаг, остановился, делая вид, что он – зевака, рассматривающий покалеченный дом. Справа от него стояли три женщины, судя по торчащим из-под наброшенных пальто халатам, жительницы соседнего дома. История про взрыв, похоже, рассказывалась сегодня уже в который раз.

– А ты ее знала, Ньюку-то? – спросила одна из женщин, которой, видимо, надоело слушать одно и то же.

– Знала, конечно, муж у нее был Святослав Петрович, помер с год назад от сердца, мужчина умный, в бухгалтерии работал, а она при нем, хоть и не понимала в его делах, состояла...

– Дети остались? – поинтересовалась третья.

«Значит, померла старуха...» – понял Владимир Павлович и продолжал слушать, глядя на отсутствующие окна.

– Нет, детей не было, – ответила словоохотливая вторая женщина, – был племянш, но он уже взрослый, год, может, два, как с ними не живет.

– А почему вообще племянник должен был с ними жить? – прервала ее первая. – У него что, своих родителей нет?

– Нюрка говорила, что где-то есть, но они живут далеко, семья большая, а Святослав Петрович очень сына хотел, а дети у них не жили, помирали быстро, и они договорились, взяли Русланчика к себе и воспитывали.

– Приезжал он сегодня? – опять спросила первая.

– Не знаю, я не видела, – отозвалась вторая. – Не ладили они последнее время, да, боюсь, и не найти его сейчас.

«Придется теперь самому племянника искать...» – подумал Палыч.

Глава 10

Платонов недоуменно смотрел в глазок на незнакомого ему человека. Когда раздался звонок, сердце его подпрыгнуло, потому что, кроме Плюща, звонить могла только соседка, а с Виктором они были почти в ссоре, и прийти тот вряд ли мог так быстро.

Владимир Павлович вернулся домой часа полтора назад хмурый, оставив за спиной, как герой Киплинга, выгоревшую квартиру старухи Лериной. Скучная информация о племяннике не сильно улучшила его состояние, потому что он не имел ни малейшего представления, что с ней делать. Где и как искать в Москве человека, даже фамилия которого была ему неизвестна?

Он неприязненно посмотрел на стоящую посреди стола шкатулку. Надо было бы определить ей место для «проживания», но пока он ее не открыл и не увидел, что внутри, было неясно, как к ней относиться. Почему-то, выбирая между средней полкой книжного шкафа и одинокой консолью у окна, Платонов никак не мог принять решение.

Ампирная ореховая консоль, которая поселилась здесь лет десять назад в ожидании пары, раздражала его своей некомплектностью. Хозяева продали ее за небольшие деньги, и он обещал им тогда, что заплатит втрое больше за вторую, потому что в паре такие предметы стоили бы немалых денег. Но владельцы пары по непонятной причине больше не появились. Когда Владимир Павлович после нескольких месяцев ожидания приехал к ним домой, выяснилось, что в квартире живут другие люди, которые никогда не слышали о предыдущих хозяевах.

Он хотел продать консоль по дешевке, но Наташа, которая уже сильно болела к тому времени, попросила ее оставить, сказав, что привыкла к ее светлому коричневатому цвету. Поставить на нее сверху было нечего, громоздких предметов Платонов не любил, а маленькие – терялись.

Теперь ларцу тут было бы самое место, но Владимир Павлович медлил, его почему-то тянуло убрать его в шкаф, за стекло, и он считал, что не может принять решение, потому что не понимает, что там внутри.

Палыч сидел в пальто посреди комнаты, смотрел на шкатулку и размышлял, куда ее деть и вообще, зачем она появилась в его жизни в тот момент, когда в дверь позвонили. Он обрадовался, посчитав, что это соседка, на секунду показалось, что что-то мало-мальски приличное проклюнулось в этом отвратительном дне.

Но за дверью стоял незнакомый мужчина на вид лет сорока.

– Кто? – расстроенно спросил Платонов.

– Владимир Павлович? – спросил мужчина.

Букву «о» в слове «Павлович» человек произнес четко как «о», а не как «а». «Не москвич...» – решил Платонов.

– Да, что вам угодно? – недовольство в голосе скрыть почти не удалось.

– Откройте, пожалуйста, – вежливо попросил мужчина, – у меня к вам серьезное дело.

Платонов топтался у дверей, не зная, что предпринять. С одной стороны, впускать никого не хотелось, с другой – мужчина выглядел вполне благообразно и никаких опасений не внушал. Правда, за свою долгую жизнь Владимир Павлович привык, что честнее всего выглядят как раз жулики.

И это было понятно, честному человеку не надо никого убеждать в своей порядочности. Самый благообразный член Совета Федерации, которого часто показывали по телевизору, был в прошлом, Платонову это было известно доподлинно, съемщиком лохов на Курском, а проще говоря, валютным мошенником.

Владимир Павлович вздохнул и открыл дверь. Человек внимательно рассматривал его. Только сейчас Платонов сообразил, что он в пальто и в тапочках и должен выглядеть довольно странно.

– Ну, слушаю...

– Не сочтите ситуацию анекдотической, – замялся мужчина, – но, похоже, вы в некотором роде мой отец...

Платонов задумался на несколько секунд, потом жестом пригласил гостя в квартиру.

– И как же вас зовут, сынок? – саркастически спросил он.

– Мы в коридоре будем разговаривать? – не обращая внимания на тон, спросил мужчина.

– На кухне...

Они оба сняли пальто, Владимир Павлович отрицательно покачал головой на немой вопрос гостя, снимать ли ботинки, и двинулись по коридору на кухню.

– А зовут меня Сергей, – в спину хозяину сказал гость.

– Чай будете пить, Сергей... – Платонов на секунду замялся, потом все-таки добавил, постаравшись, правда, придать тону максимально иронический окрас, – ...Владимирович? Или кофе предпочитаете?

– Не надо так, п... пожалуйста, – мужчина тоже запнулся, похоже, хотел сказать «папа», но не смог.

Владимир Павлович включил чайник, поставил на стол чашки, сахарницу, банку растворимого кофе, положил чайные ложки, насыпал в хлебницу сухари с маком.

– У меня, уж извините, кофе декофеинизированный, другого нет. Может, все-таки чайку?

– Все-таки – кофе...

Эти две фразы были единственными, прозвучавшими на кухне, пока вскипел чайник. Снимая его с подставки, Платонов вдруг оглянулся – никакого багажа у «сына» не было.

– А где же ваши вещи? – подозрительно спросил он.

– Оставил на вокзале в камере хранения.

– Ладно, рассказывайте... – себе Владимир Павлович заварил чаю, добавив листочек душицы, недавно купленный на рынке у метро.

– Хотите, паспорт покажу? – спросил гость.

– Пока не надо, – покачал головой Платонов.

– Мама умерла полгода назад, – начал свое повествование Сергей Владимирович, – и только перед смертью рассказала, про... вас. Я из Северодвинска, – добавил он и подул на кофе.

Платонов, услышав название города, поднял глаза и коротко взглянул на приезжего. В этом городе он служил полгода из своих армейских трех лет. Ничем примечательным служба в памяти не осталась, и вспоминал он ее редко. Ну, почти ничем...

– Я вижу, вы поняли, о ком я говорю, – обрадовался гость. – Маму, как вы помните, звали Марией...

Владимир Павлович потер виски. Машу он старался не вспоминать. Она была его первой женщиной, почти незнакомой, почти не увиденной в темноте подвала, куда они с Генкой Поздняком привели случайных подружек. Бутылка «Рымникского», пачка вафель и два яблока были угощением, а куча песка и выброшенные сверху гимнастерки стали, по выражению Цветаевой, «брачной кроватью».

Никакого представления, как это делается, у Платонова тогда не было, Маша оказалась более опытной, и у них все получилось, а через час, не проводив своих дам, они с Генкой рванули в часть на вечернюю поверку. Дежурил по батальону в ту ночь старший лейтенант Олей-ник, последняя сволочь и садист, и «спалиться» на самоволке за несколько дней до

дембеля было просто глупо. В лучшем случае пошлет в наряд, в худшем и наиболее реальном – задержат на месяц отъезд домой. Они, к счастью, успели.

А наутро, ночь он проспал без задних ног, разбираясь в сложном коктейле бродивших в нем чувств и воспоминаний, Платонов понял, что не пойдет по оставленному Машей адресу, а тихо уедет в Москву. Потому что, как бы ни было приятно то, что произошло вчера, но он ничего не знает о своей подруге, а то время, которое прошло от момента знакомства до «брачной постели», настораживало. Струсил, наверно...

«Сын» сидел, пил кофе, рассказывал что-то о матери, а Владимир Павлович не слушал его, а смотрел молча и думал о том, зачем и кому он, Платонов, так понадобился? В какую комбинацию и кем разыгрываемую он угодил. Парень, если можно назвать парнем сорокалетнего мужчину, ему даже понравился – не наглый, хорошее открытое лицо, тощей фигурой он несколько походил на «отца». Только вот зачем он это все проделал?

Владимир Павлович никак не мог поверить своему гостю, потому что после многолетних хождений к врачам с Наташей и без нее точно знал, что по какой-то причине со сложным латинским названием никогда не сможет и не мог иметь детей.

Глава 11

Можно конечно же было захлопнуть дверь перед носом незваного гостя, как только он произнес свою нелепую фразу про отца, но известно, что стукача лучше знать в лицо и беречь, а также правильно говорить при нем правильные слова. А если его выгнать, пришлют или завербуют нового, и придется напряженно искать, кто он, ошибаясь и попадая в неприятные ситуации по неведению.

Владимир Павлович рассудил здраво, что если бы его хотели убить или ограбить, могли бы это сделать быстрее и проще – приставить нож к горлу, и он отдал бы все как миленький, или просто можно было дать по голове чем-нибудь тяжелым, поймав на лестничной площадке.

А тут все было гораздо интереснее, тот, кто разрабатывал этот сценарий, неплохо знал жизнь Платонова и, видимо, не первый день им заинтересовался. О встрече с Машей, кроме двоих участников, знал Поздняк и его подруга да еще двое приятелей в Москве, которым молодой и глупый Володька Платонов рассказал о своем подвиге по возвращении из армии.

Ни того, ни другого Палыч не встречал больше тридцати лет, они не ссорились, просто их пути разошлись. Он даже фамилий их сегодня не вспомнит, кажется, одного звали Юрой, а второго – Валерой. По слухам, Валера умер лет восемь назад от инфаркта, а Юра эмигрировал и живет где-то на Западе.

Оставались только две жительницы Северодвинска и Генка, который был родом откуда-то из Сибири. Единственное письмо от него Платонов получил через пару месяцев после дембеля и с тех пор ничего о нем не слышал. О своей жизни до и после армии он с Машей тогда не говорил, она даже не могла знать, что он москвич.

– А как вы меня нашли? – прервал Платонов «сына», который рассказывал что-то бесконечное из своей провинциальной жизни, поминая дядю Спиридона, какую-то Виолу и тупого Ивана Рябикова.

– А я по профессии – мент, – ответил Сергей, как будто это все объясняло. – Это мое основное занятие и хлеб – искать.

Он открыл рот и снова завел бесконечную бодягу про Виолу и тупого Ивана. А Владимир Павлович опять отключился и погрузился в свои мысли. На мента «сын» был одновременно похож и не похож. Никакой философской глубины, хорошая житейская сметка, привычка общаться с людьми без смущения и комплексов, руки, знающие скорее шариковую ручку, чем молоток или лопату. Это – за.

А несколько литературная речь, спокойный не рыскающий взгляд, да и те же самые руки – скорее против. Ну не может сегодня семья в небольшом городке, а «сын» ни разу не упомянул, что они живут сейчас где-то в другом месте, просуществовать без своего хозяйства, значит, руки должны быть все-таки натруженными. Да и говор у него скорее волжский, там «окают», а на севере скорее «цокают», вместо звука «ч», говорят «ц» – Цереповец, Палыц, цто-цто.

К тому же был он неуловимо, но все-таки слишком интеллигентен для провинциального мента, как будто дома он читает Акунина, а не Корецкого. Как сказал однажды Плющ, увидев у Палыча по телевизору сцену из какого-то сериала:

– Ментов с такими хвостами не бывает...

Герой фильма, майор милиции, действительно носил длинные волосы, перехваченные резинкой.

– Что, выгоняют из органов за неуставную форму одежды? – ехидно спросил тогда Платонов.

– Нет, просто те, кто носит такую прическу, не идут туда работать, – спокойно парировал Плющ.

Вот и сейчас что-то неясное мешало Владимиру Павловичу поверить своему вновь обретенному родственнику, как будто сзади у того виднелась косичка до пояса. Платонов даже покосился на собеседника, желая удостовериться, так ли это.

– А вы меня навестить приехали, Сергей, или по своим делам каким-то? – вдруг спросил он.

Но «сын» был или настоящим ментом, или очень хорошо подготовленным человеком.

– Я должен допросить тут одного персонажа, – без паузы ответил он, – по факту хищения на строительстве. Конечно, можно было прислать «отдельное поручение», но я попросил Кузьмича, это наш полковник, направить меня сюда – хотел с вами встретиться. Дорога и гостиница за казенный кошт, а питаться на свои.

«Гостиница? – обрадовался в душе Владимир Павлович. – Это хорошо. Ночевать я его теперь не оставлю и совесть будет чиста – не на вокзале придется жить. А вообще мент, хороший сыскарь мне бы сейчас пригодился. С другой стороны, не сдавать же ему племянника? А впрочем, почему и нет? Если он пришел ко мне и все про меня знает, значит, я давно у них в разработке. Отложим в сторону вопрос, кто они и зачем я им понадобился, просто признаем, что знают они про меня немало, может быть, пасут, слушают телефон. И про мой интерес к Лериной и ее племяннику должны быть в курсе».

– Так у вас здесь знакомые коллеги должны быть? – то ли спросил, то ли сказал утвердительно Платонов.

– Конечно, и немало, – немедленно согласился Сергей, – я же здесь не в первый раз... А вам какая-то помощь требуется?

«Была не была...»

– Мне хотелось бы найти одного человека, – медленно начал Владимир Павлович, – а я не понимаю, как это сделать.

– Что мы про него знаем? – «сын» достал из кармана потрепанную записную книжку и дешевую ручку. – Имя, фамилия, отчество, место жительства, дату рождения? Он москвич?

– Если бы я знал все это, – саркастически сказал Платонов, сомнения все еще жили в нем, – зачем бы я к вам обращался?

– Но если мы не знаем о нем ничего, – почти обиделся Сергей, – то мы ничего о нем не узнаем.

Сраженный таким, совершенно в духе Козьмы Пруткова, афоризмом, Владимир Павлович решил.

– Его зовут Руслан, – Платонов вспомнил словоохотливых кумушек, – ему, я думаю, около двадцати лет, и я знаю, где он жил около года назад.

– Это уже лучше, – Сергей старательно записывал. – Можете дать словесный портрет разыскиваемого?

«Все-таки – мент, – решил Платонов. – Может, я напрасно на него грешу? Почему у его матери не мог быть другой мужчина, она от него родила, а сыну сказала, что папа живет в Москве?»

– Никогда в жизни его не видел, но приблизительно знаю, где живет человек, который смог бы его опознать.

– Что-нибудь еще про родственников или знакомых? – «сын» явно очень хотел понравиться «отцу».

– Единственная его родственница, – Платонов вздохнул, – о которой я знаю, сегодня погибла.

Пока он не сказал ничего, что вывело бы их на конкретного человека, но надо было решиться и идти до конца и рассказывать все или почти все, хуже будет, если Сергей узнает о смерти старухи сам.

Тот отложил ручку и блокнот и уставился на «папу». Что-то даже в его посадке изменилось.

– Не уверен, что там был криминал, – как ни в чем не бывало сказал Владимир Павлович, – Скорее взрыв бытового газа.

– А вы не хотите мне рассказать все? – фальшиво дружелюбно спросил Сергей.

– Нет, не хочу, – жестко сказал Платонов. Он вдруг понял, что его смущало – «сын» пришел всухую, без водки. То, что Палыч не пьет уже много лет, мог знать человек, который занимался его персоной какое-то время, но не явившийся с поезда прямо к нему гость. А представить себе непьющего мента мог только человек, который никогда не был в России. Противоречие в понятиях, все равно что неграмотный библиотекарь.

Выходит, он все зря рассказал про Руслана? С теми данными, которые он предоставил, найти парня теперь не составит труда.

– Может, выпьем? – Владимир Павлович резко встал из-за стола. – За встречу, за знакомство.

– Рад бы... – смутился Сергей, – только я десять дней как из больницы, операцию по поводу язвы желудка делали. Тридцать пять дней еще потерпеть осталось.

Глава 12

Она объявилась сама, позвонила в дверь и пригласила на ужин. Палыч, который только что вернулся домой и решал, чем лечить ссадину на щеке, даже подпрыгнул на месте от неожиданности, когда раздался звонок.

Он вышел проводить «сына» до метро, сказав, что нужно купить хлеба. Хлеб действительно кончился, и Платонов мог легко обойтись и без него, но ему хотелось узнать, не ждет ли кто-нибудь Сергея внизу и как он отреагирует на такое предложение. Пока гость легко и непринужденно отводил все «коварные» вопросы.

Расстались они как-то скомкано: ни тот, ни другой не знали, как положено вести себя в таких случаях.

Они вышли из арки, дошли до последнего работавшего еще в это время углового магазина, где и попрощались. Сергей пошел к метро, – слава Богу, не пришлось просить его уйти, он поднялся сам, пообещал позвонить, как только будут новости о Руслане, а Платонов действительно купил себе хлеба и любимые сухари с маком и повернулся, чтобы идти домой.

В арке его ждали. Двое молодых невысоких, но плотных парня отделились от стены и направились к Владимиру Павловичу. Внутренне он был готов к подобной ситуации: жизнь в Москве приучила к постоянному чувству опасности на вечерних и ночных улицах. Он прикинул, сколько денег в карманах, понял, что немного, и почти успокоился.

– Дед, закурить есть? – спросил шедший впереди, попыхивая сигаретой.

– Я не курю, – срывающимся голосом ответил Платонов.

– Так на хрен ты живешь? – не понял парень и ткнул Владимира Павловича кулаком под ребра.

Перехватило дыхание, руки непроизвольно разжались, и сумка упала на землю. Пакет с сухарями от удара лопнул, и они изящным веером рассыпались по снегу.

Били его не долго и не зло. Палыч лежал, подтянув колени к животу, чтобы защитить живот, а руками закрывая голову. Так, он где-то читал, надо делать, чтобы спасти самые уязвимые части тела. Он только беспокоился, что попадут по позвоночнику, где и так уже давно болело, что для себя он называл «радикулитом».

Один удар ногой все же пришелся по лицу и разбил губу, после чего нападавшие лениво пнули его еще пару раз и неспешно двинулись восвояси. Платонов дождался, пока они скрылись за углом, и попытался сесть. Удалось это довольно легко, реально болело только разбитое лицо, ребра и спина слегка гудели, да еще было обидно и как-то непонятно.

Нападавших ничего не интересовало, просьба «закурить» была просто поводом. Владимира Павловича не обыскивали, ничего у него не отнимали. Он сидел на земле, прижимая снег к разбитой губе, собираясь с силами, и плакал.

Было такое ощущение, что побили его просто так, для острастки, чтобы просто напугать его. Бояться было противно, но Платонов понимал, что завтра, когда он вечером будет возвращаться с работы, ему будет стоить немалых усилий войти в эту арку.

Он встал, хлеб и сухари подбирать не стал и, держась за стену, поплелся к подъезду. Перед дверью осмотрел себя, снял пальто, отряхнул его и вошел. Холодный снег остановил кровь, и о реакции консьержки можно было не беспокоиться. Платонов, правда, забыл про брюки и засыпанные снегом ботинки и все-таки поймал на себе удивленный взгляд киргизки.

Дома он принял душ, развесил на стульях и веревках мокрые вещи, надел теплый халат и войлочные тапочки. Налил себе коньяку, усмехнулся тому, что последнее время позволял себе подобное только в приятных ситуациях, да еще ежегодно поминая Наташу, и сел в свое кресло. Коричневая жидкость согрела, но и обожгла кожу на разбитой губе. Пришлось встать

и найти «Спасатель» для заживления ран. И в тот момент, когда он собирался наложить неприятно пахнущую мазь на губу, позвонила Анастасия.

Владимир Павлович ждал этого звонка весь день, и так не вовремя был он сейчас. Он глядел на нее сквозь глазок и решал – открыть или притвориться, что его нет дома. А она стояла в рыжем свитере и мягких обтягивающих брюках и, как будто двери между ними не существовало, смотрела насмешливо прямо ему в глаза. На щеке ее остался след то ли от муки, то ли от сахарной пудры.

– Открывайте, старый греховодник, – она склонила голову чуть набок и, казалось, сейчас еще покажет ему язык, – я же знаю, что вы дома, слышала ваши шаги на площадке и сейчас, когда вы к дверям подошли. А я такие замечательные пирожки с капустой испекла, даже вам можно на ночь.

Кто-то из умных людей, кажется, Станислав Ежи Ленц, сказал: «Дикий кабан» в устах женщины звучит все же лучше, чем просто «кабан». Так и сейчас из двух в общем-то неприятных слов соседка сложила фразу, даже симпатичную своей лихостью и каким-то несверженным привкусом. Как будто речь шла о вельможе екатерининских времен.

«Хотя какой я греховодник?» – подумал Платонов и открыл дверь.

На площадке было темновато, и в коридоре у себя свет Владимир Павлович не включил, поэтому Анастасия рассеченную губу сразу не заметила.

– Немедленно идемте ко мне ужинать и пить чай, – скомандовала она, – я же знаю, что вы только что вернулись и наверняка голодный.

– Сама пропадала невесть где целую неделю, – недовольно вполголоса пробурчал Платонов и отправился в глубь квартиры, – а теперь явилась командовать.

Он вдруг почувствовал, что действительно проголодался.

– Куда это вы направились, Владимир Павлович? – догнал его веселый голос соседки. – Это что у нас – «бунт на корабле»? Подавим быстро и жестоко – будете лишены добавки.

– Да я хотел сыру с собой взять, – начал оправдываться Платонов, – я очень вкусный сыр обнаружил недавно.

– Ладно, уговорили. Если понравится, получите половину того, что вам было предназначено.

– Не понял, а почему половину? – голос Владимира Павловича глухо звучал из глубины квартиры, войти Анастасии внутрь он так и не предложил. – Это дискриминация какая-то.

– А за ворчание стариковское. Я вам в прошлый раз сказала, на кого похож старый брюзга. И не делайте вид, пожалуйста, что вы такой и есть, все равно не поверю, не старайтесь.

– Именно такой я и есть, – Платонов появился в коридоре, держа в руках не только сыр, но и бутылку коньяку. Одет он был уже в джемпер и джинсы. – Кстати, а почему это вы называли старческую любовь позорной?

– А это не я, – беспечно сказала Анастасия, они уже шли к дверям ее квартиры, – Это Федор Иванович.

– Какой еще Федор Иванович? – ревниво спросил Платонов.

– Тютчев Федор Иванович, великий русский поэт. Годы рождения и смерти назвать или сами помните?

Вот это она его умыла. Владимир Иванович стихи любил не особенно, но к Тютчеву относился почтительно. У него даже была редчайшая книга Федора Ивановича, отдельно изданная «Уrania» тысяча восемьсот двадцатого года, когда Тютчев был еще студентом. По слухам, тираж был пятьдесят экземпляров. Все это так, но стихотворения этого он не знал.

Квартира за то время, пока он здесь не был, приобрела жилой и даже уютный вид. Принимали его не на кухне, а в комнате. На столе стояло два прибора, свечка в затейливом

подсвечнике. На одной из тарелок Платонов увидел дворянский герб с изысканным вензелем. Он взял ее в руки, чтобы внимательно рассмотреть, перевернул, глянул на марку.

– Это последняя осталась, – услышал он голос Анастасии, – мама из старинного дворянского рода, у них когда-то был целый фамильный сервиз, а теперь вот только одна тарелка осталась. Уроню как-нибудь, и все мое дворянство окончательно забудется.

Владимир Павлович задумчиво смотрел на нее.

«А ведь это выход, – подумал он. – Как в ее семье из поколения в поколение передавались остатки сервиза, так и мой ларец жил в какой-то семье долгие годы. И скорей всего, семья эта была дворянской, а значит, можно попробовать раскопать что-нибудь из ее истории».

Глава 13

– А что у вас с лицом? – испуганно спросила она, когда Платонов повернулся к ней.

– Поскользнулся, ударился о холодильник.

Никто не помнит, наверное, где и когда родилась эта фраза, но почему-то стало традиционным говорить так, когда не хочется отвечать правду. По смыслу получается нечто вроде «Не ваше дело».

Но он не на ту напал:

– А холодильник, получается, стоял посреди снежного поля? – ехидно спросила Анастасия.

Владимир Павлович испуганно посмотрел на соседку.

– Да не пугайтесь вы, – она улыбнулась, – и помните, что я – актриса. Нам Константин Сергеевич завещал быть максимально наблюдательными, а у вас мокрая одежда по всей квартире развешена. Предположить, что вы с горки на санях катались, я не осмелилась, а когда увидела царапину, поняла, что вы, ну, скажем, на улице поскользнулись и упали. И не надо мне врать, я все равно чувствую.

– Так оно и было, – хрипло сказал Платонов.

Совсем забытое чувство сладкой опасности шевельнулось в его душе. С этой женщиной нельзя было расслабляться: она замечала все, умела делать выводы и знала, как довести информацию до сознания слушателя. Она совершенно явно поняла, что с Владимиром Павловичем что-то случилось, согласилась этого вопроса не касаться, если он этого не попросит, но четко обозначила свою готовность помочь.

Такой была Наташа когда-то, много лет назад, до того, как заболела, – умной, доброй и одновременно по-женски коварной и задиристой. Платонов вдруг почувствовал, что сейчас начнет рассказывать соседке все свои проблемы, но в последнюю секунду удержался. Ему не нужна была жилетка, он искал кого-то, кто мог бы соглашаться с ним или спорить, по-новому взглянуть на ставшие для него уже привычными факты и дать им непредвзятую оценку. Но с другой стороны, многолетняя привычка выживать одному лишила его возможности делиться, с кем бы то ни было, своими проблемами. Не то чтобы он не доверял ей, просто он так привык, и все.

– Эй, – он увидел перед своими глазами ее белую ладонь, колеблющуюся из стороны в сторону, – вы где? Вам в салат сметану или масло?

Она положила на тарелки картошку с рыбой и сейчас стояла с салатной ложкой в руках.

– Сметану... А я – здесь... – соврал он, – люблюсь вами и наслаждаюсь вашим именем.

– В каком это смысле? – удивилась она, посыпая зелень в большой миске чем-то вкуснопахнущим. – Про красоту я поняла, хотя и не поверила, а вот про имя? Чем оно вам не нравится?

– То есть как это не нравится? – возмутился Владимир Павлович, но, взглянув в ее глаза, расхохотался. – Я все время попадаюсь на ваши штучки, – сказал он, качая головой.

– Вот вам щит, – она протянула ему большой светло-зеленый лист салата, – будете защищаться от моих штучек. Так что там с именем?

– Вы не замечали, – Платонов разлил коньяк в крохотные, грамм по тридцать рюмки, – что любое имя у нас ассоциируется с человеком и нравится или не нравится в зависимости от того, с кем именно оно ассоциируется. Я в детстве терпеть не мог имени Таня, а потом в седьмом классе влюбился в одноклассницу из соседнего подъезда и вдруг обнаружил, что в ее имени так много всего. Например, лихость разбойника.

– Не надо про одноклассницу, – приказала Настя, – давайте лучше выпьем, а потом – про меня.

Они выпили.

– Знаете, – сказала Настя, – как говорят: «Кто похвалит меня лучше всех, получит самую большую конфету». Что вы там слышите в моем имени?

– Очень вкусно, – Владимир Павлович на мгновение задумался. – В вашем имени? Свежесть зимнего утра, стройность, а еще мягкую силу и даже привкус ананаса, или, скорее, запах...

Он увидел ее изумленный взгляд и остановился, как будто споткнулся.

– Мне рассматривать ваши слова как объяснение в любви? – зачарованно спросила соседка.

Платонов уткнулся глазами в пол.

«Старый идиот, надо же было так проколоться, красивая молодая женщина, зачем ей такая старая перхоть, как я? Теперь она будет надо мной потешаться. Да и это ладно, только вот выгонит, и больше не смогу с нею видаться...»

Он хотел было встать и уйти, не прощаясь, но положение спас телефон – зазвонил ее мобильный. Анастасия коротко переговорила, изменилась в лице, потом дала отбой и, положив ладонь на руку Владимира Павловича, сказала:

– Извините, я должна срочно уехать. У подруги заболел сын, а на то лекарство, которое ему помогает, у нее самой – жестокая аллергия. – Она как-то беспомощно пожала плечами: – Надо выручать...

Не говоря больше ни слова друг другу и старательно делая вид, что ничего не произошло (и тем самым еще больше подчеркивая важность случившегося), они кивнули друг другу на прощание (Настя вручила ему тарелку с едой) и разбежались каждый в свою сторону.

Платонов захлопнул за собой дверь, поставил тарелку на столик в прихожей и бросился к книжным полкам. «Тютчев, Тютчев... Как же ты так, Федор Иванович, осудил старческую любовь? Сам был грешен, лучшие свои стихи посвятил Елене Прекрасной, а только чем твои сорок семь, когда ты с нею встретился, хуже, чем мои шестьдесят три? Не говорю уже про твои шестьдесят один, когда она умерла...»

Он нашел небольшой томик и начал, не садясь, прямо у книжных полок, лихорадочно листать.

«По времени должно быть написано в конце жизни, вряд ли он стал бы говорить о старческой любви в молодые годы. По выразительности строчек – явный финал стиха. Где же ты? Ага, вот...»

*Когда дряхлеющие силы
Нам начинают изменять
И мы должны, как старожилы,
Пришельцам новым место дать, —*

*Спаси тогда нас, добрый гений,
От малодушных укоризн,
От клеветы, от озлоблений
На изменяющую жизнь;*

*От чувства затаенной злости
На обновляющийся мир,
Где новые садятся гости
За уготованный им пир;*

*От желчи горького сознания,
Что нас поток уж не несет
И что другие есть призванья,
Другие вызваны вперед;*

*Ото всего, что тем задорней,
Чем глубже крылось с давних пор, —
И старческой любви позорней
Сварливый старческий задор.*

Платонов сделал два шага и без сил опустился в кресло. «Ля-ля-ля, – пело у него в душе, – а Федор Иванович совсем и не против любви, он просто таким образом отдубасил старых придурков, которым все неймется и они, ничего не понимая, лезут вперед».

Он сидел, листал томик в поисках еще какого-то стиха или строчек, которые могли бы подтвердить его откровение. Он чувствовал Тютчева своим союзником и совершенно позабыл о том, что сегодня с утра погибла его знакомая, что какой-то авантюрист выдает себя за его сына, что его, Владимира Павловича Платонова, сегодня побили.

А может, именно так и надо жить?

Глава 14

Он проснулся среди ночи, встал и помчался в коридор. Почему-то ему приснилось, что он разбил *Ее* тарелку. Но она так и стояла там, где он ее поставил, на тумбочке перед зеркалом, да и тарелка была самая обычная. Он схватил пирожок, Анастасия могла завтра спросить, как ему понравилась ее стряпня, и, утерев пот со лба, не спеша, понес еду на кухню.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.